This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

DS
115.5
.M351

BUHR A

a39015 01813595 7b

UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARIES

Марголинъ, М.

М. М. Марголинъ.

ОСНОВНЫЯ ТЕЧЕНІЯ

ВЪ

ИСТОРІИ

ЕВРЕЙСКАГО НАРОДА.

ЭТЮДЪ

ПО

ФИЛОСОФІИ ИСТОРІИ ЕВРЕЕВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Сѣверная Скоропечатня Невскій просп. № 82.

1900.

DS
115.5
.M351

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27 Января 1900 г.

234196

I. *)

Еврейскій народъ, появившись на исторической аренѣ около 3000 лѣтъ тому назадъ, съ тѣхъ поръ не покидаетъ ее. Трехтысячелѣтній періодъ этотъ представляетъ собою въ тоже время рамки всемірной исторіи, въ которыя укладывается совокупность всего того, что дала міру жизнь и дѣятельность т. наз. культурныхъ народовъ. Исторія евреевъ тѣсно переплетена со всѣми фазисами всемірной исторіи: на глазахъ еврейскаго народа возникали и распадались могущественныя государства, появлялись и исчезали сильные народы, расцвѣтали и разлагались сложныя умственныя культуры и соціальныя системы. Мало того во всѣхъ перипетіяхъ всемірной исторіи еврейскій народъ принималъ дѣятельное, а иногда и руководящее участіе. Неудивительно, если еврейская историческая наука встрѣчаетъ на своемъ пути такія чрезвычайныя трудности, такія сложныя проблемы, какія, можетъ быть, не имѣютъ мѣста въ исторіи многихъ другихъ народовъ. Не смотря на то, что исторіографія возникла у евреевъ въ весьма раннюю эпоху, и что историки еврейскаго народа обладаютъ въ историческихъ библейскихъ книгахъ такими источниками древняго періода еврейской исторіи, которые по всей точности фактическаго матеріала не имѣютъ себѣ равныхъ въ древней исторической литературѣ **),—еврейская историческая наука развивалась крайне медленно

*) Докладъ, читанный 8 декаб. 1899 г. въ засѣданіи Историко-Этнографической Коммиссіи Общ. р. пр. м. е. въ Р., печатается здѣсь въ значительно дополненномъ видѣ.

**) Niebuhr, „Gesch. Assurs und Babels“, стр. 5 (цит. по Грецу).

и по настоящее время не стоитъ на должной высотѣ. Причины этого прискорбнаго явленія, помимо указанной сложности исторіи еврейскаго народа, кроются въ нѣкоторыхъ особенностяхъ этой исторіи и главнѣйшихъ ея источниковъ.

На этихъ особенностяхъ намъ слѣдуетъ здѣсь остановиться нѣсколько подробнѣе. Первая особенность заключается въ распаденіи исторіи евреевъ на два періода, рѣзко отличающихся другъ отъ друга всею совокупностью жизненныхъ условій народа; я разумѣю: періодъ палестинскій и періодъ разсѣянія или голуса (изгнанія). На первый взглядъ несходство этихъ двухъ періодовъ распространяется не только на внѣшнюю обстановку народной жизни, но и на сущность историческаго процесса, составляющаго содержаніе каждаго изъ этихъ періодовъ. Казалось, катастрофой, выбившей еврейскій народъ изъ политической колеи перваго періода и повернувшей русло его исторической жизни по совершенно другому направленію, порвана и прагматическая преемственность между обоими періодами; между жизнью народа, взятой во всей ея полнотѣ и заключающей въ себѣ всѣ формы быта матеріальнаго, общественнаго и духовнаго въ одномъ періодѣ, и жизнью народа въ другомъ періодѣ, казалось, нѣтъ полной всеобъемлющей внутренней связи, а существуетъ лишь, если можно такъ выразиться, литературная преемственность. Казалось, что съ палестинскимъ періодомъ народъ связываетъ лишь память о томъ, что въ эту эпоху были созданы письменные источники его религіозныхъ вѣрованій, и что страна, которая въ весьма отдаленную отъ нашего времени эпоху служила ареной еврейскаго религіознаго творчества, дорога еврейскому народу лишь немногимъ въ бо̀льшой мѣрѣ, чѣмъ въ какой она священна и для христіанскихъ народовъ, источники вѣроученія которыхъ также связаны съ этой страною.

Эта видимая раздвоенность еврейской исторіи и связанныя съ нею воззрѣнія въ еврейской исторической

наукѣ привели между прочимъ, во 1-хъ, къ крайней неравномѣрности въ изученіи того и другого періода: многіе историки особенно внимательно останавливаются на изученіи *перваго* періода и совершенно игнорируютъ второй періодъ; въ 2-хъ, къ различію того, что должно составлять содержаніе того и другого періода: во многихъ трудахъ, посвященныхъ *второму* періоду еврейская исторія принимаетъ характеръ исторіи литературы или исторіи религіознаго ученія, а не исторіи народа; въ 3-хъ, къ невозможности созданія цѣлостной историко-философской системы, въ которой основныя начала еврейскаго историческаго процесса обнимали бы жизнь народа во *всѣ* періоды его существованія.

Вторая особенность исторіи евреевъ, служившая также огромной помѣхою въ развитіи еврейской исторической науки, заключается въ томъ, что главные источники палестинскаго періода исторіи евреевъ являются въ тоже время священными книгами для всего христіанскаго міра, за коими признается богооткровенное происхожденіе. Раньше, чѣмъ научная историческая критика коснулась этихъ книгъ, надъ ихъ изученіемъ и комментированіемъ работали сотни богослововъ всѣхъ вѣроисповѣдныхъ толковъ. Эта многовѣковая колоссальная дѣятельность библейскихъ экзегетовъ и комментаторовъ наложила неизгладимую печать и на историческіе труды, проникнутые наиболѣе свободомыслящей критикой. На затрудненія, вытекающія отсюда для еврейской исторической науки, указываетъ и Грецъ во введеніи къ I тому своей „Исторіи“; тѣмъ не менѣе, какъ мы увидимъ изъ послѣдующаго изложенія, и онъ не свободенъ отъ богословской тенденціи, которая, прочно внѣдрившись въ умахъ изслѣдователей первоисточниковъ еврейской исторіи, трансформировалась затѣмъ въ видѣ разнообразныхъ системъ философіи еврейской исторіи. Сюда относятся, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, и теорія особой провиденціальной миссіи еврей-

скаго народа, и теорія „духовно-исторической націи“ и друг.

Подъ вліяніемъ *богословской тенденціи*, которая лежитъ въ основѣ всѣхъ этихъ теорій, въ большей части трудовъ по исторіи евреевъ *на первый планъ выдвигается исторія еврейства, какъ религіозной системы, а жизнь самого народа во всей ея полнотѣ стушевывается*, и вообще *еврейскій историческій процессъ получаетъ одностороннее освѣщеніе.*

Значеніе подавляющаго вліянія богословской литературы на развитіе еврейской исторической науки не было оцѣнено въ достаточной степени съ точки зрѣнія тѣхъ требованій, которыя предъявляются къ современной исторической наукѣ въ смыслѣ безпристрастнаго, всесторонняго изслѣдованія народной жизни и выясненія внутреннихъ отношеній между отдѣльными историческими фактами на основаніи законовъ психологической и соціальной эволюціи. Еврейская исторія въ значительной степени остается еще до сихъ поръ на той ступени развитія, когда исторія являлась лишь прислужницей богословія или морали и ставила себѣ цѣлью лишь подтвержденіе примѣрами изъ прошлаго тѣхъ или другихъ догматическихъ положеній, а не объективное изслѣдованіе прошлаго народа во всей его полнотѣ.

Богословская система идей, въ бо̀льшей или мѐньшей степени лежащая въ основѣ всѣхъ трудовъ по исторіи евреевъ, можетъ быть резюмирована въ слѣдующихъ положеніяхъ: еврейскій народъ представляетъ собою нѣчто совершенно исключительное во всемірной исторіи; это, по мнѣнію однихъ, единый богоизбранный народъ, по мнѣнію другихъ, это—по своей исключительной духовной воспріимчивости и одаренности — *племя-уникумъ* среди всѣхъ племенъ земли, племя, у котораго религіозная жизнь во всѣ времена отодвигала на задній планъ соціально-политическіе интересы, которыми живутъ всѣ народы. Какъ жилъ *самъ народъ* въ продолженіи 1000 лѣтъ въ Палестинѣ, изъ какихъ

элементовъ слагался его матеріальный бытъ, экономическая культура, гражданскій и политическій строй, нравы, обычаи, міръ искусства—на всѣ эти вопросы мы въ трудахъ по исторіи евреевъ находимъ недостаточныя указанія, и во всякомъ случаѣ всѣмъ этимъ сторонамъ народной жизни отводится второстепенное мѣсто. Все вниманіе изслѣдователей и историковъ направлено на процессъ развитія религіозной мысли въ народѣ и на ея представителей въ лицѣ пророковъ и другихъ руководителей духовной жизни народа. Получается такая историческая переспектива, будто кромѣ дѣятельности пророковъ ничего существенно важнаго въ древнемъ періодѣ исторіи евреевъ не было; какъ будто-бы религіозное творчество пророковъ представляло собою замкнутый кругъ и не было продуктомъ всей совокупности соціально-культурныхъ условій жизни народа.

Было время, когда историческая наука въ Европѣ стояла такъ низко, что все содержаніе ея исчерпывалось такъ называемой политической стороной жизни государствъ, и историческіе труды заключали въ себѣ лишь описаніе военныхъ походовъ и дипломатическихъ сношеній; всѣ другія стороны народной жизни отсутствовали въ этихъ трудахъ. Въ метологическомодъ отношеніи одностороннее увлеченіе религіозной стороной древняго періода еврейской исторіи столь-же ошибочно, какъ стушевываніе другихъ сторонъ народной жизни въ узко-политической исторіи. Исторія народа, несущаго на себѣ бремя созиданія своего матеріальнаго быта, вынужденнаго съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свою политическую и общественную организацію отъ внѣшнихъ посягательствъ, призваннаго созидать нормы отношеній между отдѣльными лицами, призваннаго творить выраженія для своихъ религіозныхъ и эстетическихъ настроеній, словомъ, исторія народа, живущаго всей полнотой жизни, не можетъ быть исчерпана ни описаніемъ военно-дипломатическихъ дѣяній, ни изображеніемъ движенія лишь религіозной мысли.

Третья особенность исторіи евреевъ или вѣрнѣе ея источниковъ, еще болѣе усиливающая подчиненность еврейской исторической науки богословскому вліянію, заключается въ томъ, что первоисточники еврейской исторіи древняго періода—библейскія книги—большею частью ведутъ свое происхожденіе отъ самихъ пророковъ и, во всякомъ случаѣ, редактированы представителями религіозной жизни. Неудивительно, что въ этихъ книгахъ свѣтской жизни народа отводится лишь столько мѣста, сколько это необходимо для сохраненія лѣтописной связи событій, и что всѣ событія изображаются въ одностороннемъ богословскомъ освѣщеніи: всѣ бѣдствія народа связываются съ нарушеніемъ религіозныхъ постановленій, хотя бы между первыми и послѣдними не усматривалось причинной связи, напр. пораженіе Саула приписывается его милосердному, вопреки запрету пророка, обращенію съ покореннымъ народомъ *), само возникновеніе царской власти подвергается осужденію **) и т. д. Богословская идея проводится строго послѣдовательно въ мельчайшихъ деталяхъ во всѣхъ библейскихъ историческихъ книгахъ и въ цѣломъ образуетъ стройную историко-философскую систему, оказавшую могущественное вліяніе на ходъ историческаго мышленія европейскихъ ученыхъ въ этой области.

Тѣмъ не менѣе въ самихъ библейскихъ книгахъ разсѣяна масса данныхъ по общекультурной и соціальной жизни еврейскаго народа. Изъ этихъ данныхъ и новѣйшихъ открытій по исторіи культуры сосѣднихъ съ евреями народовъ (египтянъ, ассиро-вавилонянъ, персовъ и др.) возможно съ помощью сравнительнаго историческаго метода возсоздать хотя отчасти мозаичную картину тысячелѣтней жизни еврейскаго народа въ Палестинѣ. Въ новѣйшихъ трудахъ по исторіи еврейскаго народа за

*) Перв. кн. Царствъ XXVIII, 18.
**) ib. IX, 6—18.

этотъ періодъ уже сдѣлано кое-что въ этомъ направленіи, но для полнаго успѣха такой работы необходимо вполнѣ отрѣшиться отъ слѣдовъ богословскаго вліянія, произвести, такъ сказать, полную секуляризацію исторіи евреевъ, приступить къ изученію этой исторіи безъ предвзятыхъ взглядовъ о духовной исключительности или избранности еврейскаго народа. Лишь при условіи такого всесторонняго и объективнаго изслѣдованія могутъ быть раскрыты основныя начала еврейскаго историческаго процесса и законы эволюціи еврейской мысли, возвысившейся до пророческихъ этическихъ идеаловъ.

II.

Въ настоящее время, однако, возможно уже установить нѣсколько положеній, опредѣляющихъ основныя черты палестинскаго періода еврейской исторіи.

Во 1-хъ, еврейскій народъ въ эпоху своего появленія на исторической аренѣ мало чѣмъ отличается отъ сосѣднихъ племенъ. Завоеваніе себѣ территоріи—Палестины—ни чѣмъ не разнится отъ другихъ подобныхъ завоеваній. Покореніе народовъ, населявшихъ Палестину, сопровождается безпощаднымъ ихъ истребленіемъ. Матеріальный бытъ евреевъ въ первые вѣка поселенія въ Палестинѣ стоитъ на болѣе низкомъ уровнѣ, чѣмъ у сосѣднихъ народовъ, среди которыхъ кочевники-евреи застаютъ большіе укрѣпленные города и значительно развитую земледѣльческую культуру *). Эпоха заселенія евреями Палестины и совпадаетъ съ переходомъ ихъ отъ кочевого, пастушескаго быта къ осѣдлому и земледѣльческому. Шатры дѣтей пустыни—Бне-Израиль—замѣняются постоянными жилищами въ сельскихъ и городскихъ поселеніяхъ. Въ области нравовъ и правовыхъ понятій евреи стоятъ также не выше сосѣдей. Повѣ-

*) Числа, XIII, 27—28.

ствованія „Книги судей“ о нравственной распущенности еврейскаго населенія въ эту раннюю эпоху являются вполнѣ достовѣрнымъ, безпристрастнымъ свидѣтельствомъ о состояніи этической культуры евреевъ того времени. Кровавая месть, членовредительскія уголовныя наказанія, истребительныя войны между родами и колѣнами одного и того же народа—таковы показатели низкаго уровня соціальнаго строя въ Палестинѣ въ первые 3—4 вѣка ея заселенія евреями. Въ религіозномъ отношеніи евреи также недалеко ушли отъ другихъ народовъ: Іегова первоначально такой же жестокій богъ, упивающійся запахомъ кровавыхъ жертвъ, какъ конкурирующій съ нимъ Ваалъ финикіянъ. Таковы черты исходнаго момента еврейской исторіи.

Во 2-хъ, *весь циклъ развитія соціально-политической и религіозно-этической культуры еврейскаго народа совершается въ теченіи 1000 лѣтъ на палестинской почвѣ* и связанъ съ жизнью народа въ этой странѣ. Во *весь* же *послѣдующій*, какъ мы увидимъ, *періодъ исторіи, евреи уже не создаютъ никакихъ новыхъ элементовъ національной культуры, а вращаются исключительно въ предѣлахъ старой системы*, подвергая ее лишь внѣшнимъ измѣненіямъ въ прогрессивномъ или реакціонномъ духѣ.

Что страна со всѣми ея топографическими, климатическими, почвенными и другими особенностями оказала могущественное вліяніе на направленіе и характеръ умственной дѣятельности народа, жившаго въ ней въ теченіи 1000 лѣтъ полной исторической жизнью,—это не только подтверждается всѣми изслѣдователями этой страны, но и чувствуется всякимъ, кому и нынѣ приходится испытывать на себѣ дѣйствіе ея своеобразной природы: контрастовъ мрачнаго прибрежья Мертваго моря и цвѣтущей Саронской долины, дыханія раскаленной пустыни съ юга и освѣжающаго морскаго вѣтра съ запада, удушливой, тропической Іорданской долины и ослѣпительныхъ снѣговыхъ вершинъ Хермона и Ливана.

Вся эта калейдоскопическая картина горныхъ ландшафтовъ собрана на одной небольшой полосѣ земли и въ чарующемъ своей прозрачностью воздухѣ раскрывается зрителю съ Масличной горы на Іудейскомъ плато во всемъ разнообразіи и блескѣ своихъ красокъ и тоновъ.

Въ этой маленькой странѣ, изрѣзанной вдоль и поперекъ горами, освѣщенной ослѣпительно-яркимъ солнцемъ, въ которой привѣтливыя долины чередуются съ голыми и угрюмыми скалами и дикими ущельями, гдѣ цвѣтущіе виноградники и оброботанныя поля смѣняются печальными дюнами и выжженными холмами,— на этой узкой прибрежной полосѣ неутомимо на протяженіи многихъ вѣковъ трудится еврейскій народъ. Всякая пядь земли, которую можно отстоять у пустыни, обрабатывается и превращается въ цвѣтущій садъ. На обнаженныхъ скалахъ высѣкаются террассы и насаждаются великолѣпные виноградники; остатки этихъ террассъ можно видѣть и *понынѣ* въ Іудейскихъ горахъ. Одновременно съ земледѣльческой культурой развиваются и другія отрасли промышленности. Постройка храма и дворца, проведеніе и мощеніе большихъ дорогъ *) при Соломонѣ свидѣтельствуютъ о значительныхъ успѣхахъ въ разныхъ областяхъ народнаго труда. Евреи не только вступаютъ въ торговыя сношенія съ финикіянами, египтянами, ассиро-вавилонянами и другими сосѣдними народами, но и снаряжаютъ въ бухтѣ Краснаго моря флотъ для торговли съ Индіей (Офиръ) **). Ростъ матеріальной культуры идетъ параллельно съ увеличеніемъ густоты населенія, и въ цвѣтущее время эта маленькая страна кормитъ нѣсколько милліоновъ населенія. И лишь послѣ того какъ въ теченіи 3—4 вѣковъ народъ трудится надъ созиданіемъ своей матеріальной культуры и въ тоже время не перестаетъ воевать и отстаивать независимость своей страны, послѣ многихъ вѣковъ напряженной

*) Jos. Flavius, „Antiquit“, VIII, 7, 4.

**) Graetz, „Gesch. d. Juden“, s. 461, Note 18.

политической и соціально-экономической работы становится возможнымъ появленіе духовныхъ руководителей народа въ лицѣ пророковъ. Мы знаемъ, что пророкамъ предшествуетъ другой типъ (гое — прозорливецъ) духовныхъ вождей, ведущихъ свое начало отъ языческаго времени *). Пророческая проповѣдь также представляетъ цѣлую гамму, начавшуюся съ болѣе простыхъ моральныхъ воззрѣній первыхъ по времени ея представителей и возвысившуюся до всемірно-этическихъ идеаловъ послѣднихъ пророковъ.

Дѣятельность пророковъ прежде всего была направлена на упорядоченіе жреческаго культа, коренившагося въ сѣдой языческой старинѣ народной жизни. Въ эпоху Судей централизація культа еще не имѣетъ мѣста; жертвоприношенія приносятся на высотахъ въ различныхъ мѣстахъ разнымъ богамъ и кѣмъ угодно изъ народа. Первые пророки, какъ напр. Илья, ведутъ ожесточенную борьбу со жрецами иноплеменныхъ культовъ, напр. Ваала. Мало по малу жертвенный культъ начинаетъ ограничиваться двумя (на Сѣверѣ и Югѣ) мѣстами, а позже и однимъ пунктомъ и становится прерогативой опредѣленной касты жрецовъ, левитовъ или ааронидовъ, вѣрныхъ служителей бога Іагве, покровителя племени Бне-Израиль. Значеніе корпораціи жрецовъ въ до-вавилонскую эпоху очень невелико. Въ это время храмовой культъ еще только нарождается, и лишь къ концу этого періода формы культа вѣроятно уже близки въ общихъ очертаніяхъ съ положеніями такъ назыв. священническаго кодекса (т. е. книги Левитъ), написаннаго въ началѣ послѣвавилонскаго періода **). По мѣрѣ того какъ жреческій культъ Іеговы укрѣпляется и вытѣсняетъ иноплеменные культы, пророческая мысль развивается дальше и начинаетъ ратовать за очищеніе и одухотвореніе національнаго еврейскаго культа, становясь такимъ обра-

*) Первая кн. Царствъ, IX, 9.

**) Wellhausen, „Prolegomena zur Gesch. Israels“ (1895, passim).

зомъ въ оппозицію со жрецами-ааронидами, хранителями установившихся внѣшнихъ формъ и обрядовъ. Но во всякомъ случаѣ оба эти теченія народной жизни—развитіе жреческаго культа и пророческой проповѣди—находятся въ тѣсномъ взаимодѣйствіи съ усложнившимися условіями соціальнаго быта, который въ цѣломъ имѣетъ вполнѣ политическій характеръ. Верховными распорядителями судьбой народа во второй половинѣ этого періода являются цари. Черезъ весь до-вавилонскій періодъ проходитъ процессъ амальгамированія и сліянія отдѣльныхъ этническихъ элементовъ населенія Палестины въ единый еврейскій народъ, процессъ, встрѣтившій особыя затрудненія въ розни между Сѣверомъ и Югомъ страны. Цари Іудеи, создавая національный центръ въ Іерусалимѣ, опираются въ этомъ отношеніи на пророковъ, создавшихъ легенду о первенствѣ предо всѣми династіями дома Давидова. Для поддержанія такой легенды въ народѣ надо было имѣть особыя общественныя заслуги, и въ дѣлѣ защиты національнаго единства цари и пророки расходятся лишь иногда во взглядахъ на средства, но въ общемъ идутъ къ той же цѣли.

Пора реабилитировать царей и политическихъ дѣятелей палестинскаго періода еврейской исторіи. Несмотря на видимую борьбу между послѣдними и духовными руководителями народа, появленіе и развитіе пророческой дѣятельности было бы немыслимо безъ непрерывныхъ трудовъ царей и другихъ свѣтскихъ дѣятелей. Благодаря именно тому напряженію, съ коимъ еврейскій народъ отстаиваетъ въ этотъ періодъ своей исторіи независимость своей политической и общественной организаціи, благодаря тому, что силы и способности его всесторонне изощряются во всѣхъ областяхъ экономической и общественной дѣятельности, — народъ быстро растетъ матеріально, крѣпнетъ духовно и можетъ рождать въ своей средѣ самоотверженныхъ борцовъ за этическіе и національно-политическіе идеалы.

III.

Когда военная катастрофа угнала еврейскій народъ съ родной земли въ Вавилонъ, національное сознаніе его было уже настолько ясно и твердо, что онъ ушелъ съ непоколебимою увѣренностью вернуться при первой возможности. Возвратившись въ Палестину, народъ принялся за возстановленіе своего матеріальнаго быта и соціальной организаціи, строя одною рукою храмъ, а другою держа мечъ для отраженія враговъ. Однако политическая катастрофа, оторвавшая народъ отъ родной земли и прервавшая на 50 лѣтъ нормальное развитіе народной жизни, не могла не оказать вреднаго вліянія на прогрессивное развитіе государственнаго строя.

Въ это время выдвигается на первый планъ жреческая партія, оттѣсняющая представителей политическаго и пророческаго направленія. Во главѣ реставраціи соціальнаго порядка становится жрецъ Эзра, положившій начало новому *іерократическому* строю въ Палестинѣ. Первосвященникъ становится не только главою жреческой корпораціи, но и свѣтскимъ и духовнымъ главою всего народа, обремененнаго теперь рядомъ тяжелыхъ сборовъ въ пользу жреческой корпораціи. Политическая зависимость Палестины отъ персидскаго намѣстника благопріятствуетъ этому порядку вещей. Усиленіе жреческой корпораціи въ лицѣ рода Садокидовъ, стремящихся замкнуть народную жизнь въ предѣлы обрядоваго священническаго кодекса, встрѣчаетъ нѣкоторый противовѣсъ въ интеллигентномъ слоѣ народа, такъ назыв. sofrim, книжныхъ людяхъ или писателяхъ, преемникахъ пророковъ. Пророческая проповѣдь, вслѣдствіе соціально-политическаго оскудѣнія народной жизни, мало-по-малу замолкаетъ. Послѣдніе пророки—и въ ихъ числѣ Исая II,—вдохновившіеся великими надеждами, вспыхнувшими яркимъ пламенемъ въ душѣ вернувшагося на

родину народа, пропѣли свою лебединую пѣсню. Въ твореніяхъ этихъ послѣднихъ пророковъ горизонты еврейской мысли расширились: новое еврейское государство, окрѣпнувъ въ своихъ національныхъ устояхъ, должно было стать во главѣ всемірнаго братскаго союза народовъ. Тогда-то въ душѣ народа и были заложены сѣмена возвышенной *мессіанской идеи*, которой суждено стать талисманомъ и палладіумомъ народа во всю его послѣдующую жизнь. Пока въ памяти народа были свѣжи преданія о быломъ величіи еврейскаго государства и о славѣ царей Давидова дома, еще раздавались вдохновенныя рѣчи о наступленіи времени, когда новый отпрыскъ Давидова дома введетъ болѣе справедливый соціальный порядокъ, но эти народныя мечты далеко не соотвѣтствовали дѣйствительности.

Въ преемникахъ пророковъ, книжникахъ, творчество народной мысли понижаетъ свой тонъ: это уже не вдохновенные проповѣдники, а ученые люди, знатоки народившейся священной письменности и писатели, въ тоже время знатоки писаннаго и обычнаго права и, въ качествѣ судей, творцы этого права, законодатели и, наконецъ, они же учители народа. Въ виду указанныхъ многосложныхъ функцій, вліяніе книжныхъ людей на народную жизнь громадно и конкурируетъ со жреческимъ, держащимся больше въ силу принудительной власти. Въ эту эпоху правообразованіе находится, такъ сказать, еще въ текучемъ состояніи. Опираясь на сравнительно немногочисленныя положенія писаннаго закона, развивается система устнаго обычнаго права. Книжники съ одной стороны кладутъ начало системѣ свободной интерпретаціи писаннаго закона, а съ другой вводятъ рядъ новыхъ нормъ, не заключающихся въ писанномъ кодексѣ и извѣстныхъ впослѣдствіи, какъ halacha l'Mosche m'Sinai или какъ dibre sofrim, т. е. постановленія, основанныя исключительно на авторитетѣ книжниковъ.

Система толковательныхъ пріемовъ, которую книжники распространили и на регламентацію жреческаго культа и храмовыхъ сборовъ, не могла не казаться опасной жрецамъ, стоявшимъ за буквальный смыслъ закона. Отсюда происхожденіе двухъ типовъ галахи: жреческой или саддукейской, почти несохранившейся и и галахи книжниковъ, послужившей основой для фарисейской и талмудической галахи. Если, въ силу установившагося іерократическаго управленія и зависимости отъ персидской власти, государственная жизнь не могла подвигаться впередъ, то въ области общественной и моральной дѣятельность книжниковъ, продолжавшихъ развивать начала пророческихъ воззрѣній, дала благотворные результаты.

Мало по малу послѣ многовѣковой внутренней борьбы грубыя представленія о Богѣ одухотворяются; народъ, охладѣваетъ къ жертвенному культу и замѣняетъ его молитвенными собраніями; членовредительскія наказанія и смертная казнь фактически отмѣняются; рабство исчезаетъ, и отношенія къ пришельцамъ и иностранцамъ проникаются гуманностью. Народное творчество, изсякшее въ пророческой проповѣди, продолжаетъ еще жить въ произведеніяхъ народной лирики—въ псалмахъ, созданіе которыхъ не прекращается вплоть до Маккавейской эпохи. Правда, до достиженія въ общественной организаціи идеаловъ, выставленныхъ пророками — равенства и братства всѣхъ людей, какъ дѣтей одного Бога, созданныхъ по подобію Божьему, любви, справедливости и вѣчнаго мира, какъ основъ человѣческаго общежитія, —до торжества этихъ идеаловъ было еще очень далеко, но къ началу Маккавейской эпохи былъ уже заложенъ фундаментъ національнаго зданія, которому скоро предстояло выдержать страшный натискъ врага, сильнаго иной культурой.

V.

За 150 слишкомъ лѣтъ до начала этой эпохи въ Западной Азіи произошло событіе, которое, казалось, разъ навсегда должно было повернуть теченіе исторіи народовъ, жившихъ въ этой части свѣта, на совершенно новое русло. Законченная великая эллинская культура нашла геніальнаго полководца, взявшаго на себя задачу оплодотворить сѣменами греческой образованности пришедшія въ застой страны старой ассиро-вавилонской, иранской и египетской образованности. Александръ совершилъ свой побѣдоносный походъ, и широкимъ потокомъ разлилась эллинская жизнь по всѣмъ городамъ Востока, всюду сталкиваясь съ религіозно-соціальнымъ бытомъ восточныхъ народовъ. Результатомъ этого взаимодѣйствія двухъ міровъ явилась новая культура, въ которой восточные элементы переплетаются съ эллинскими, и которая высшаго расцвѣта достигаетъ въ Египтѣ въ Александрійской школѣ философовъ и ученыхъ. Здѣсь между прочимъ была сдѣлана въ трудахъ Филона попытка примирить начала мозаизма съ греческой философіей; попытка эта имѣла, однако, собственно апологетическій характеръ (т. е. Филонъ имѣлъ главнымъ образомъ въ виду оправдать еврейское религіозное міровоззрѣніе предъ судомъ греческой философіи) и не могла имѣть значенія въ той средѣ, гдѣ сильны были устои еврейской національной жизни.

На первыхъ порахъ, казалось, побѣдоносный эллинизмъ не встрѣтилъ никакого сопротивленія въ еврейскомъ обществѣ. Не смотря на коренныя противорѣчія между возвышеннымъ этическимъ еврейскимъ вѣроученіемъ и эллинскимъ міровоззрѣніемъ, въ силу котораго высшимъ закономъ являлось понятіе о красотѣ, а цѣлью жизни—умственныя и чувственныя наслажденія, еврейская религіозная дисциплина не являлась достаточной

преградой для распространенія греческихъ формъ жизни. За предѣлами Палестины, напр. въ Египтѣ, евреи, не отрекаясь формально отъ еврейскаго вѣроученія, были охвачены ассимилляціоннымъ потокомъ. И въ самой Палестинѣ принадлежность къ еврейскому культу и исповѣданіе основъ еврейской религіи не спасло отъ увлеченія эллинизмомъ высшіе классы еврейскаго народа, тѣ классы, гдѣ сытая и праздная жизнь ослабила сознаніе связи съ народнымъ организмомъ. Но чѣмъ глубже проникала эллинизація въ состоятельные классы, тѣмъ сильнѣе противъ нея выросталъ протестъ въ нѣдрахъ народа, гдѣ послѣ 800-лѣтней жизни на родной землѣ сознаніе неприкосновенности устоевъ своей національной жизни образовало непоколебимый противъ иноземныхъ посягательствъ оплотъ. Народъ выдержалъ безпримѣрную борьбу за свою духовную и общественную свободу и вышелъ побѣдителемъ.

Какія же были послѣдствія побѣды Маккавеевъ?

Въ смыслѣ матеріальной культуры 20-ти лѣтняя борьба съ могущественнымъ врагомъ обошлась очень дорого. Численность народа, особенно вслѣдствіе усилившейся съ этихъ поръ эмиграціи *), его экономическое благосостояніе понесли чувствительный ущербъ. Крайнее обѣдненіе народа, слабая надежда, переходившая въ отчаяніе, вернуть свое благосостояніе побуждаютъ людей уходить въ пустыню и устраивать тамъ монашескія общины. Таково происхожденіе секты ессеевъ, знаменующее крайній упадокъ народнаго духа, прежде проникнутаго жизненнымъ и трезвымъ ученіемъ Моисея, повелѣвавшаго созидать жизнь, потомство, благословлявшаго трудящихся на землѣ для личнаго счастья **). Возможно, что при болѣе спокойныхъ политическихъ обстоятельствахъ народъ оправился-бы матеріально и возстановилъ бы свою духовную мощь. Но этому не

*) Schürer, „Gesch. d. jüd. Volkes“, II, стр. 494 и сл.

**) Второзаконіе, XXX, 20.

суждено было сбыться. И вотъ въ народѣ возникаетъ и растетъ чрезвычайно тревожное душевное настроеніе, создавшее почву для весьма опасной и односторонней умственной дѣятельности учителей народа, прежнихъ книжниковъ, теперь извѣстныхъ подъ именемъ хасидеевъ и фарисеевъ.

Въ общественной жизни нерѣдко замѣчается, что благодѣтельное дѣйствіе идеи ослабѣваетъ и часто даже извращается послѣ торжества этой идеи. Подъемъ духа, потребовавшій огромной затраты силъ для народной самообороны, какъ-бы временно истощаетъ еврейскій народъ. Народное оскудѣніе отражается на учителяхъ народа, фарисеяхъ. Кругозоръ ихъ постепенно съуживается; духовные интересы мельчаютъ. Спасеніе отъ вторженія иноземной культуры усматривается не въ поддержаніи національнаго самосознанія, не въ упроченіи политической организаціи, а въ огражденіи и замыканіи народной жизни сѣтью ритуальныхъ запретовъ. Увлекаясь борьбой съ еще опасными и привлекательными формами греческой жизни, фарисеи, поставивъ идеаломъ жизни соблюденіе физической и душевной чистоты, начинаютъ все болѣе и болѣе уклоняться отъ здоровыхъ соціальныхъ основъ еврейской народной жизни. Матеріальная жизнь слишкомъ низменна, она безпрестанно грязнитъ слабый человѣческій духъ; нужно ежеминутно помнить, что міръ полонъ нечистоты и, по возможности, сторониться матеріальной жизни. Отсюда и названіе фарисеевъ — людей отдѣлившихся отъ общества и ушедшихъ всецѣло въ изученіе священныхъ книгъ. Неудивительно, что на первыхъ порахъ эти антисоціальныя идеи фарисеевъ не могли внушить симпатіи народу. Въ талмудической письменности сохранились слѣды, свидѣтельствующіе о непріязненныхъ отношеніяхъ народа къ фарисеямъ (напр. сказаніе о семи типахъ фарисеевъ) и презрительномъ отношеніи фарисеевъ къ амгоарацимъ, т. е. къ народу. Эти талмудическія сказанія—переживанія того времени,

когда еще нетронутый здравый смыслъ народа чуялъ въ фарисеѣ опаснаго антигосударственника и суроваго схоластика. Фарисеи держатся внѣ политической жизни, не сплачиваются вокругъ новой Хасмонейской династіи, которая ищетъ и находитъ себѣ опору въ недавнихъ врагахъ народа—саддукеяхъ, старой аристократической жреческой партіи, примиряющейся съ новымъ положеніемъ вещей.

Итакъ, стоившая такъ дорого народу побѣда не принесла ему ничего, кромѣ тяжкихъ разочарованій. Хасмонеи, окруженные ненавистной народу саддукейской партіей, нравственно выродились. Краткое 7-лѣтнее господство фарисеевъ при царицѣ Александрѣ не могло оказать замѣтнаго вліянія на ходъ событій даже и въ томъ случаѣ, если бы фарисеи по своему соціальному и политическому кругозору оказались на высотѣ положенія.

По мѣрѣ того какъ атмосфера, среди которой жилъ народъ, становится удушливѣй, начинаетъ возрождаться и укрѣпляться имѣвшая глубокіе корни въ старыхъ пророческихъ книгахъ и ставшая затѣмъ *центральной идеей еврейства*, такъ наз. *мессіанская идея*. Находясь въ безысходной матеріальной и нравственной нуждѣ, народъ ищетъ утѣшеніе и опору въ вѣрѣ въ явленіе отпрыска Давидова дома, который введетъ новый справедливый порядокъ и возстановитъ старое національное величіе народа. Мессіанская идея, развиваясь, принимаетъ все болѣе причудливыя формы въ народномъ воображеніи. Здѣсь, однако, нельзя не отмѣтить, что, во время пребыванія народа на родной землѣ, мессіанство еще не имѣетъ позднѣйшаго мистическаго характера и не устраняетъ мысли о политической самодѣятельности народа.

Когда на Палестину собиралась обрушиться новая гроза въ лицѣ Рима, отношеніе къ этому событію народныхъ фракцій выражаетъ ихъ соціально-политическое міровоззрѣніе. Въ то время когда народная партія напрягаетъ всѣ усилія, чтобы оказать сопротивленіе

врагу, фарисеи выказываютъ полное равнодушіе къ дѣлу національной независимости. Если зелотамъ должно отказать въ политической мудрости и въ вѣрной оцѣнкѣ силъ воюющихъ сторонъ, то нельзя не отдать справедливости той самоотверженности, съ какою они отстаиваютъ народное дѣло. Не взирая на страшныя разочарованія, испытанныя въ періодъ управленія царей Иродіанской династіи, народъ упорно продолжаетъ вѣрить, что внѣ самобытной національной организаціи *нельзя жить*, нельзя вести достойное человѣка существованіе. Фарисеи не придаютъ послѣднему воззрѣнію никакого значенія. Видя крушеніе всего современнаго общественнаго порядка, они считаютъ возможнымъ сохранитъ самое цѣнное въ національной культурѣ — религію и этику, причемъ сохранить навсегда, внѣ всякихъ соціальныхъ условій, такъ сказать *внѣ времени и пространства*.

Одновременно съ этимъ или нѣсколько еще ранѣе начинается *дифференціація* въ фарисейскомъ лагерѣ. Сперва намѣчаются два направленія: одно — строго консервативное, стремящееся къ усугубленію строгости закона и связанное съ именемъ школы Шаммаи, другое—болѣе прогрессивное, обязанное своимъ развитіемъ учителю Гиллелю. Рядомъ съ этими двумя направленіями, стоявшими на еврейской національной, въ фарисейскомъ смыслѣ, почвѣ, возникаетъ третье направленіе—*универсальное*. Если еврейская религіозная система должна существовать внѣ всякихъ рамокъ національно-политической жизни, то она, разумѣется, пригодна для всякаго народа. Общечеловѣческіе этическіе идеалы, провозглашенные пророками, должны были лечь въ основу новой проповѣди, съ которою, послѣ крушенія еврейской національной организаціи, глашатаи новаго универсальнаго теченія должны были обратиться къ языческимъ народамъ. Однако въ теченіе $1^1/_2$ или 2 вѣковъ борьба этихъ двухъ направленій—національнаго и универсальнаго—оставалась внутри еврейства и имѣла теоретиче-

скій характеръ. Личныя отношенія между евреями и евреями-универсалистами или, какъ они называются въ еврейскихъ источникахъ, минеями первоначально не были враждебными. Подъ вліяніемъ универсальнаго теченія трансформируется и мессіанская идея, съ одной стороны, расширяясь все болѣе и болѣе изъ національнаго воззрѣнія въ міровое: ожидаемый избавитель имѣетъ уже отношеніе не къ одному Израилю, а ко всему міру, а съ другой—принимая все болѣе мистическій и трансцендентальный характеръ. Въ противовѣсъ еврейской національной вѣрѣ апостолы новаго ученія исповѣдуютъ, что Мессія явился въ лицѣ понесшаго за всѣхъ людей крестную смерть и воскресшаго Іисуса Христа изъ Назарета. Такимъ образомъ главная опора существованія еврейской націи, заключавшаяся въ мессіанской надеждѣ, должна была исчезнуть. Фарисеи не могли не бороться съ опаснымъ для еврейскаго національнаго самосознанія ученіемъ. Во всѣ молитвы (въ читавшіяся 3 раза въ день, въ послѣ-трапезныя молитвы и по поводу разныхъ случайныхъ событій) были вставлены добавленія о возстановленіи Іерусалима и наступленіи царства Мессіи, и установлены національные посты, внѣдрявшіе и укрѣплявшіе въ народномъ сознаніи вѣру въ возрожденіе народа на землѣ его предковъ. Мало по малу разладъ между національнымъ и универсальнымъ направленіями становится все сильнѣе. Враждебныя отношенія особенно усиливаются послѣ неудавшейся попытки національной партіи съ Баркохбой и р. Акибой во главѣ вооруженною силою возстановить независимость народа въ Палестинѣ.

Можно ли обвинять фарисеевъ и ихъ преемниковъ въ томъ, что они, замкнувшись въ узкихъ національныхъ рамкахъ, выпустили изъ сферы своего вліянія нарождавшееся религіозное теченіе? Надо думать, что эта ошибка была исторической необходимостью. Въ виду *крушенія еврейской политической организаціи, націо-*

нальная самозащита могла быть одѣлана только на почвѣ религіозной. Для сохраненія своего національнаго цѣлаго не было другихъ средствъ, какъ замкнуться въ себѣ, оградиться системой мелочныхъ и антисоціальныхъ запретовъ. Если нельзя было идти впередъ, явиться носителемъ прогрессивныхъ идей и въ то же время не раствориться въ общечеловѣческомъ морѣ, то пришлось не двигаться вовсе, уйти въ прошлое и даже нѣсколько понизить, какъ это видно изъ послѣдующаго, тонъ умственной жизни народа. Но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что, если бы надъ евреями не разразилась политическая катастрофа, если бы они сохранили свою національную организацію въ Палестинѣ, то развитіе универсальнаго теченія пошло бы иными путями и, такъ какъ національному существованію евреевъ не угрожала бы никакая опасность, то къ новому универсальному теченію примкнулъ бы *весь* народъ еврейскій, и тогда исполнились бы въ буквальномъ смыслѣ слова пророка: „И будетъ въ послѣдніе дни гора дома Господня поставлена во главу всѣхъ горъ и возвысится надъ холмами, и будутъ стекаться къ ней всѣ народы. И пойдутъ многіе народы и скажутъ: пріидите и взойдемъ на гору Господню, въ домъ Бога Іакова, и пусть онъ научитъ насъ своимъ путямъ, дабы мы пошли по его стезямъ, ибо отъ Сіона выйдетъ законъ и изъ Іерусалима слово Божіе“.

VI.

Перехожу къ разсмотрѣнію второго періода исторіи еврейскаго народа, къ періоду разсѣянія, голуса (изгнанія). Въ этомъ періодѣ мы встрѣчаемъ тѣ-же основныя теченія, что въ предыдущемъ. Хотя форма и сила каждаго изъ этихъ теченій имѣетъ иной, чѣмъ въ первомъ періодѣ, характеръ, однако, послѣ внимательнаго изученія еврейской жизни въ періодъ разсѣянія, нельзя

не констатировать 1) непрерывности и единства національно-политическаго самосознанія, выражавшагося въ идеѣ о единеніи народа съ его родной землей и въ чувствѣ тяготѣнія къ ней, и, слѣдов., 2) единства историческаго процесса во всѣ періоды существованія еврейскаго народа, несмотря на рѣзкое различіе въ условіяхъ жизни въ Палестинѣ и въ голусѣ.

Въ періодъ разсѣянія, съ одной стороны, національная мессіано-палестинская идея, продолжая жить въ народѣ, превращается въ мистическое вѣрованіе и лишь отъ времени до времени прорывается въ видѣ массовыхъ движеній въ Палестину; съ другой, религіозная система, созданная, какъ средство національной самозащиты, фарисеями и развиваемая ихъ преемниками, въ лицѣ танаевъ, амореевъ и раввиновъ, занимаетъ подавляющее мѣсто въ жизни евреевъ.

Нельзя не признать, однако, что развитіе этой системы, лишенной нормальной національной среды, было одностороннее и регрессивное не только въ отношеніи къ пророческимъ воззрѣніямъ, но и къ религіозному и общественному быту въ эпоху отъ Эзры до Маккавеевъ. Насколько регрессировала религіозная мысль въ эпоху танаевъ и амореевъ можно, напр., видѣть изъ отношенія ихъ къ вопросу о кровавыхъ жертвоприношеніяхъ. Въ то время какъ ужъ за нѣсколько вѣковъ предъ тѣмъ пророки громко заявили о низменности этой формы культа, въ то время какъ самъ народъ уже въ теченіе 2-хъ вѣковъ сталъ привыкать къ замѣнѣ жертвоприношеній молитвенными собраніями и чтеніями пророковъ, мы видимъ, что танаи значительную часть времени въ школахъ посвящаютъ изученію и регламентированію несуществующаго храмового культа и системы сборовъ и налоговъ въ пользу жрецовъ. Быть можетъ, эта приверженность ко всему тому, что составляетъ остатки стариннаго быта, объясняется тѣмъ, что учителямъ народа хотѣлось создать иллюзію, что не сегодня-завтра

храмовой культъ можетъ быть возстановленъ, и потому нужно не забывать закона, который скоро придется примѣнять на дѣлѣ. Такимъ образомъ и въ этой области консерватизмъ танаевъ и амореевъ сводится къ центральной идеѣ еврейства—возрожденію народа въ Палестинѣ, къ которой, какъ къ фокусу, собираются всѣ стремленія народа. Но во всякомъ случаѣ эта жертвенная литература свидѣтельствуетъ о пониженіи уровня этическихъ воззрѣній и въ теченіи многихъ вѣковъ засоряетъ умственную жизнь народа. Дѣйствительно, присматриваясь къ развитію талмудической письменности за первые 5 вѣковъ по разрушеніи храма, мы не можемъ не замѣтить постепенной деградаціи, все бо̀льшаго и бо̀льшаго съуженія кругозора, все бо̀льшаго нагроможденія мелкихъ постановленій, выводимыхъ на основаніи весьма сомнительныхъ пріемовъ толкованія текстовъ писаннаго закона. Въ то время, какъ книжники, sofrim, составляя часть самобытно жившаго народа, являются въ значительной степени самостоятельными творцами права, талмудисты часто изощряются въ схоластической діалектикѣ по вопросамъ, не имѣющимъ никакого соприкосновенія съ потребностями дѣйствительной жизни. И это не удивительно! Въ жизни народа въ этотъ періодъ отсутствуютъ тѣ реальные соціальные интересы, защита которыхъ отвлекаетъ народное сознаніе отъ сгущенной атмосферы религіозной схоластики. Евреямъ того времени не нужно было разрѣшать сложныхъ вопросовъ своей государственной жизни, заботиться о поддержаніи въ своей странѣ правового порядка или объ усиленіи интензивности земледѣльческой и обработывающей промышленности въ Палестинѣ — всѣ эти здоровые жизненные интересы отсутствовали, и умственныя силы народа уходили въ безплодную діалектику. Основы религіознаго быта, формы общинной синагогальной и школьной жизни въ общемъ оставались такими же, какими онѣ сложились въ Маккавейскую эпоху; въ послѣдующіе 5

вѣковъ была произведена лишь болѣе мелочная регламентація положеній, касавшихся молитвъ, праздниковъ, законовъ о пищѣ и т. д. О степени регрессивнаго движенія національной жизни со второго по пятый вѣкъ судить можно и по литературной формѣ, способу систематизаціи матеріала двухъ главныхъ литературныхъ памятниковъ этой эпохи. Въ то время какъ Мишна р. Іегуды Ганаси, изданная въ концѣ 2-го вѣка и написанная на довольно чистомъ еврейскомъ языкѣ, представляетъ собою, хотя и невыдержанную, попытку учебнаго руководства, въ которомъ, однако, видна работа систематизирующаго ума, стремящагося выражаться опредѣленно и сжато,— составители Гемары забыли старый родной языкъ и уже не въ состояніи ничего другого сдѣлать, какъ въ полномъ безпорядкѣ представить стенограмму школьныхъ дебатовъ безъ всякаго разбора важнаго отъ неважнаго, достовѣрнаго отъ фантастическаго. Если автору Мишны можно поставить упрекъ въ переполненіи своего сборника правилами и предписаніями, имѣвшими только академическое значеніе (правила ритуальной чистоты или храмового культа), то еще болѣе надо удивляться амореямъ, которые, нѣсколько вѣковъ спустя, не могли отрѣшиться отъ этой отжившей старины. Показателемъ съуженія кругозора національной жизни является равнодушіе амореевъ къ еврейскому языку и письменности въ смыслѣ литературной формы. Конечно, не то слѣдуетъ поставить въ укоръ амореямъ, что они говорили и писали на арамейскомъ языкѣ, но то, что они не оставили никакихъ слѣдовъ своихъ занятій библейскимъ языкомъ въ какихъ либо лексическихъ и грамматическихъ трудахъ. Дѣятельность масоретовъ, сохранившихъ для насъ библейскій текстъ, началась нѣсколько позже, а именно въ концѣ V вѣка и расцвѣла лишь въ VII вѣкѣ. Даже имена еврейскія не популярны у амореевъ; арамейскія имена амореевъ еврейскій народъ, однако, при всемъ своемъ уваженіи къ нимъ, не сохранилъ.

Тѣмъ не менѣе я, конечно, далекъ отъ того, чтобъ отрицать положительныя стороны вавилонской Гемары, въ которой такъ или иначе была стенографирована, хотя неширокая, умственная жизнь народа въ теченіи 3-хъ вѣковъ. Въ этомъ отношеніи главный недостатокъ этого памятника—его полная безсистемность—имѣлъ ту хорошую сторону, что трудъ амореевъ включилъ въ себѣ не только схоластическія пренія ученыхъ, но и пестрое собраніе научныхъ свѣдѣній, поэтическихъ сказаній, историческихъ преданій, легендъ, аллегорій, притчъ, словомъ все, чѣмъ жила народная фантазія,—все это нашло пріютъ въ агадической части Гемары. Въ талмудической агадѣ сохранился живой источникъ народнаго творчества, изъ котораго еще долго черпали вдохновеніе и отраду многія послѣдующія поколѣнія. Быть можетъ, именно этимъ всеобъемлющимъ характеромъ вавилонскаго Талмуда, въ которомъ законы и правила, регулирующіе человѣческую жизнь въ мельчайшихъ подробностяхъ, чередуются съ нравственными изрѣченіями, фантастическими разсказами, медицинскими рецептами, и астрономическими формулами, объясняется неотразимое вліяніе на народную жизнь, какимъ пользовался и пользуется Талмудъ. За исключеніемъ Библіи и Корана нѣтъ другой книги, которая въ теченіи вѣковъ безгранично царила бы надъ умами людей, какъ твореніе вавилонскихъ амореевъ. Она оттѣснила въ народной жизни на задній планъ и самую книгу книгъ—Библію.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію того, на сколько талмудическая система удовлетворяла всѣмъ сторонамъ національной жизни, слѣдуетъ здѣсь отмѣтить положительныя историческія заслуги талмудической системы, на которыхъ и зиждется привязанность и вѣрность народа этой системѣ. Во 1-хъ, талмудизмъ послужилъ противовѣсомъ противъ увлеченія народа различными гностическими и мистическими ученіями; строгій талмудизмъ сдерживалъ увлеченіе евреевъ ми-

стической и каббалистической литературой, увлеченіе, которое впрочемъ и проявлялось какъ протестъ противъ гнетущаго режима талмудической системы. Во 2-хъ, хотя въ схоластической оболочкѣ, талмудизмъ не только сохранилъ въ чистотѣ начала монотеизма и возвышенной пророческой этики, но и утвердилъ среди евреевъ строго нравственную дисциплину жизни, укрѣпилъ любовь къ изученію духовной литературы и, слѣдов., отчасти любовь къ грамотѣ и знанію вообще. Въ 3-хъ, талмудизмъ своей системой запретовъ и отгораживаніемъ народной жизни отъ внѣшнихъ вліяній явился *орудіемъ національной самозащиты* въ эпоху разсѣянія, въ виду *отсутствія у евреевъ политическихъ средствъ сохраненія своей національности.*

Признавая вполнѣ за талмудической системой заслугу сохраненія юдаизма, какъ религіи, я не могу не отмѣтить, что заслуга талмудизма въ смыслѣ сохраненія евреевъ, какъ *націи*, имѣетъ свои отрицательныя стороны: если признаніе этой заслуги справедливо въ томъ отношеніи, что евреи нераздѣльны отъ юдаизма, то это сохраненіе пріобрѣтено крайне дорогою цѣною, цѣною чрезвычайнаго стѣсненія духа народа, цѣною низведенія высочайшаго религіознаго ученія къ сѣти формальныхъ, бездушныхъ правилъ, убившихъ въ народѣ стремленіе къ свободному развитію своего религіознаго быта. Національное свое самосознаніе евреи сохранили, какъ мы увидимъ, отчасти вопреки нѣкоторымъ талмудическимъ и раввинскимъ стремленіямъ.

VII.

Протестъ противъ односторонней дѣятельности талмудистовъ проявился очень рано, о чемъ сохранились свидѣтельства въ самомъ Талмудѣ; такъ, еще въ IV вѣкѣ существовала въ народѣ поговорка: „какая польза намъ отъ этихъ ученыхъ, которые не могутъ ни разрѣшить

намъ въ пищу воронъ, ни воспретить голубей", или: „эти ученые думаютъ лишь о своей пользѣ" *). Въ теченіи первыхъ 8-хъ вѣковъ по заключеніи вавилонскаго Талмуда мы, однако, не встрѣчаемъ замѣтныхъ движеній противъ безпредѣльнаго господства талмудической системы. Въ концѣ VIII в. возникаетъ первая попытка оппозиціи талмудизму, положившая начало караимской сектѣ. Но это движеніе, хотя и вызванное гнетомъ талмудическаго режима, не заключало въ себѣ какихъ либо прогрессивныхъ началъ реформы, а опиралось на сохранившіеся остатки саддукейскихъ воззрѣній и, слѣдов., по отношенію къ талмудическому фарисеизму, представляло еще бóльшій шагъ назадъ. Однако „въ эпоху полнаго застоя мысли всякое движеніе ея важно и значительно, каково бы ни было ея содержаніе," и въ этомъ случаѣ толчокъ, данный караимскимъ протестомъ, не прошелъ безслѣдно. Возгорѣвшаяся полемика вызвала къ жизни труды по еврейскому языкознанію, библейской экзегетикѣ и религіозной философіи.

Въ послѣдующіе затѣмъ X, XI и XII вѣка дѣлаются наиболѣе рѣшительныя попытки внести новыя свѣжія струи въ народную жизнь, мумифицированную талмудическою системою. Эпоху открываетъ Саадія Гаонъ, стремящійся подвести подъ талмудизмъ нѣчто вродѣ философскаго фундамента. Само собою разумѣется, что у Саадія философія является лишь прислужницею богословія, но уже потребность въ новомъ методѣ мышленія представляетъ знаменательный поворотъ къ прогрессивному направленію. Въ то же время Саадія занимается переводомъ Библіи, еврейской лингвистикой и экзегетикой.

Направленіе, открытое Саадіей, широко развернулось въ трудахъ блестящей плеяды мыслителей и поэтовъ такъ назыв. испанскаго періода. Габироль, Моисей и Авраамъ Ибнъ Эзра, Іегуда Галеви и Маймонидъ—эти

*) Sabbat 133 в.

яркія звѣзды поэтическаго вдохновенія и философской мысли—не могли однако ни разсѣять мрака, царившаго въ народной жизни, ни оставить прочныхъ слѣдовъ на ходѣ развитія еврейства. Еще въ XIII, XIV и XV вв. мы встрѣчаемъ изолированные отголоски подъема мысли Маймонидовой эпохи (Крескасъ, Альбо, Элія дель Медиго и др.), но главное русло народной жизни осталось нетронутымъ, и еврейскій религіозный бытъ окончательно приведенъ въ окаменѣніе въ знаменитомъ трудѣ Іосифа Каро «Шулханъ Арухъ.» Въ XVI, XVII и 1-й половинѣ XVIII вв. оппозиція талмудизму выражается лишь въ каббалистическихъ и мистическихъ теченіяхъ, съ которыми талмудизмъ успѣшно борется. Такимъ образомъ Саадія, Маймонидъ и ихъ современники стоятъ совершенно одиноко въ сумеркахъ восьми вѣковъ, имъ предшествовавшихъ, и шести вѣковъ еврейской исторіи, за ними слѣдующихъ. Причины этой духовной изолированности лежатъ въ *отсутствіи національной среды*, въ разсѣянности и разбродѣ частей народнаго организма и въ полной дезорганизаціи политическаго и общественнаго строя, въ которой пребывалъ еврейскій народъ. Какое воздѣйствіе на народную жизнь могли имѣть при всей своей геніальности поэты и мыслители, писавшіе на языкахъ, непонятныхъ значительной части народа? Какъ могли достигать голоса этихъ вѣстниковъ новаго слова во всѣ уголки, гдѣ былъ разсѣянъ еврейскій народъ? Явившись продуктомъ временныхъ благопріятныхъ условій жизни народа, они, какъ метеоры, промелькнули на горизонтѣ еврейской исторіи, оставивъ лишь свѣтлый слѣдъ для отдаленныхъ поколѣній *). Под-

*) За предѣлами еврейской народной жизни дѣятельность писателей испанскаго періода не прошла безслѣдно. Чрезъ посредство эпигоновъ этого періода Западная Европа познакомилась съ греческой и арабской литературой. На сдѣланныхъ б. ч. евреями переводахъ на латинскій языкъ классическихъ произведеній греческой и арабской философіи (Аристотель, Аверроэсъ и др.) воспитывались писатели эпохи ранняго возрожденія (XIII и XIV) и гуманисты эпохи реформаціи.

водя печальные итоги двухвѣковой дѣятельности мыслителей и поэтовъ испанскаго періода, невольно сравниваешь, чѣмъ былъ народъ, когда онъ жилъ самобытною жизнью на родной землѣ, какіе прочные корни пустила въ народѣ дѣятельность духовныхъ вождей того времени, и какъ безплодно завершились труды свѣточей эпохи разсѣянія и порабощенія.

VIII.

При такихъ обстоятельствахъ, казалось, народу грозила неминуемая смерть. Европейскіе ученые давно присудили къ исчезновенію еврейскую національность. И въ наше время свободомыслящій Вельгаузенъ заявилъ, что еврейскій народъ умеръ, уничтоженный еще ассиро-вавилонянами, и что послѣ вавилонскаго плѣненія ожила лишь религіозная секта, сохранившаяся понынѣ *). Другіе не идутъ такъ далеко, но не сомнѣваются въ томъ, что то, что не удалось ассиро-вавилонянамъ, — съ полнымъ успѣхомъ достигнуто римлянами. На этотъ разъ евреи, какъ нація, уничтожены, и, разсѣянные по всему лицу земли, они составляютъ лишь вѣроисповѣдную группу. Воззрѣнія еврейскихъ историковъ, которымъ живое національное чувство не позволяетъ признать эту философію народнаго самоубійства, отличаются шаткостью и неопредѣленностью. Историки эти не находятъ твердой почвы для своихъ національныхъ чувствъ въ разбросанномъ историческомъ матеріалѣ послѣ-палестинскаго періода. Отъ нихъ ускользаетъ то *основное національное теченіе*, которое *объединяетъ этотъ періодъ исторіи еврейскаго народа съ первымъ періодомъ*. Слѣды этой неопредѣленности мы находимъ и въ характеристикѣ послѣ-палестинскаго періода, данной самымъ выдающимся нашимъ историкомъ Грецомъ во введеніе къ V-ому тому его „Исторіи евреевъ“.

*) Wellhausen, „Proleg. zur Gesch. Israels“, 1895, стр. 1.

„Исторія послѣ талмудическаго періода, пишетъ Грецъ, такимъ образомъ, имѣетъ *національный* характеръ; ее ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать исключительно исторіей религіи или церкви, такъ какъ она имѣетъ предметомъ изученія не только развитіе еврейскаго вѣроученія, но и особый народъ, который хотя и не имѣетъ территоріи, отечества, географическихъ границъ, государственнаго устройства, но за то *замѣняетъ эти реальныя условія духовными силами* *). Разсѣявшись по разнымъ странамъ земного шара, евреи тѣмъ не менѣе не переставали чувствовать себя особою народностью, связанной вѣроисповѣданіемъ, историческими преданіями, нравами и *общими надеждами* *).

Къ сожалѣнію, это въ общемъ правильное опредѣленіе сущности еврейскаго историческаго процесса, хотя въ немъ уже замѣтно вліяніе богословской тенденціи, затемняется послѣдующими разсужденіями нашего историка.

Грецъ, резюмируя далѣе содержаніе еврейской исторіи въ послѣ-талмудическую эпоху, говоритъ, что исторія эта является преимущественно исторіей культуры, что на скрижаляхъ этой исторіи „не приходится отмѣчать ни побѣдъ съ кровавыми трофеями,.... ни завоеваній обширныхъ земель, ни порабощенія другихъ народовъ; но за то тѣмъ больше начертано на нихъ духовныхъ побѣдъ и завоеваній въ области ума... Въ то время какъ другіе народы вели между собою истребительныя войны, племя Іакова думало только о томъ, какъ бы поддержать свѣтильникъ духа... и старалось, на сколько возможно, разсѣять мракъ, вызванный невѣжествомъ и суевѣріемъ...; тысячекратно-порабощенное, это племя съумѣло сохранить въ цѣлости свою духовную свободу...; гонимое и безпріютное, оно создало себѣ духовную родину“. Если въ вышеуказанномъ опредѣленіи сущности

*) Курсивъ мой.

еврейскаго историческаго процесса Грецъ на первый планъ все же выдвигаетъ народъ, его жизнь, интересы, его стремленія и *надежды*, то въ послѣдующихъ затѣмъ разсужденіяхъ нашъ историкъ далекъ отъ исторической объективности и безпристрастія.

Въ самомъ дѣлѣ, справедливо ли ставить въ заслугу евреямъ то, что они въ это время не вели никакихъ войнъ и не совершали завоеваній? Не лучше ли было бы, если бы они вели войны съ цѣлью завоевать себѣ болѣе достойное существованіе? И потому-ли они не воевали, что были преисполнены духовнаго смиренія? Затѣмъ, правда ли, что въ періодъ разсѣянія евреи всегда опережали въ культурѣ другіе народы, и что за этотъ періодъ приходится отмѣчать въ области ума одни лишь завоеванія? И, наконецъ, правда-ли, что во весь этотъ періодъ племя Іаково о томъ только и думало, какъ бы разсѣять мракъ невѣжества и суевѣрія? Мы знаемъ, наоборотъ, что еврейская религіозная мысль, окристаллизовавшись въ не особенно привлекательную форму въ талмудической письменности, остановилась въ своемъ развитіи, и, не смотря на усилія Маймонида и другихъ писателей его эпохи, она съ XIII в. не только не подвинулась впередъ, а ушла назадъ. Можно ли говорить о евреяхъ, сжигавшихъ сочиненія Маймонида и о послѣдователяхъ этихъ фанатиковъ въ XV, XVI, XVII и XVIII вѣкахъ, что они „сохранили свободу духа“ или что они не знали среднихъ вѣковъ въ позорномъ значеніи этого слова, т. е. въ смыслѣ „религіознаго изувѣрства и умственной косности„? Въ какое глубокое самообольщеніе впадаетъ нашъ историкъ, подавленный задачею найти разумный смыслъ и нравственное оправданіе послѣ-палестинскаго періода исторіи! Подъ вліяніемъ шаблонно-богословской теоріи Грецъ не находитъ raison d'être исторіи еврейскаго народа въ періодъ разсѣянія ни въ чемъ другомъ, какъ въ томъ, что на протяженіи этого періода своей исторіи евреи являютъ собою особую *духовную націю*, носитель-

ницу высокой религіозной культуры, „замѣнившую реальныя условія политической жизни духовными силами“.

Но если ученые историки не могли придти въ соглашеніе относительно того, существуетъ-ли или нѣтъ еврейская нація, то самъ народъ чувствовалъ, что онъ живъ и зналъ, въ чемъ заключается нравственное оправданіе его существованія. Оно заключалось, быть можетъ, не въ такой возвышенной идеѣ, какую стремились ему навязать, а скрывалось въ самыхъ простыхъ, естественныхъ человѣческихъ правахъ. Устами патріарха Авраама въ одной легендѣ Мидраша народъ выражаетъ эту простую мысль слѣдующимъ образомъ: Авраамъ обращается къ Богу, говоря: „отчего я *не такой, какъ всѣ другіе народы* и языки, что мнѣ привелось дожить до такого стыда и позора?“ Центръ тяжести здѣсь, именно, въ словахъ „отчего *не такой, какъ всѣ народы*“. Въ народѣ не умирало сознаніе, что онъ влачитъ позорное существованіе и что единственный выходъ изъ него—возродиться къ новой жизни на старой родинѣ. Всѣ стремленія фарисеевъ и ихъ преемниковъ создать изъ еврея исключительно духовное существо—*сверхчеловѣка*—не привели ни къ чему. Евреевъ неотразимо влекло жить свободною земною жизнью и быть хозяиномъ въ своей странѣ, какъ и другіе народы.

IX.

Исторія палестинско-мессіанской идеи также почти стара, какъ исторія самого еврейскаго народа. Я уже отмѣтилъ моментъ возникновенія мессіанской идеи въ пророческихъ книгахъ начала послѣ-вавилонской эпохи. Въ задачу этого очерка не входитъ подробное разсмотрѣніе во всей ея полнотѣ исторіи эволюціи мессіанской идеи, которая уже на христіанской почвѣ трансформировалась изъ національно-политическаго вѣрованія въ мистическо-богословскую универсальную доктрину. Въ

литературной обработкѣ христіанская догматика мессіанства оказала вліяніе и на еврейскихъ авторовъ. Но для моего изслѣдованія важна не эта сторона, а мессіанская идея, какъ элементъ еврейской народной психологіи Въ народной душѣ ожиданіе Мессіи неразрывно связано съ возвращеніемъ въ Палестину и имѣетъ вполнѣ реальный характеръ. Стремленія нѣкоторыхъ талмудистовъ ослабить палестино-мессіанскую идею,—отраженіе этихъ стремленій мы встрѣчаемъ, напр. въ изреченіяхъ: „между нынѣшними временами и временами Мессіи нѣтъ другой разницы кромѣ прекращенія рабства“, или „не нужно ожидать Мессіи“, или „возвращающійся въ Палестину совершаетъ грѣхъ“—, всѣ подобныя стремленія, отчасти вызванныя временными обстоятельствами (жестокое подавленіе римлянами возстанія Баркохбы), никакого вліянія на народъ не имѣли. Въ то время какъ въ умственной жизни народа все болѣе сгущался мракъ, поддерживаемый фанатическими приверженцами фарисейской галахи, душившими всѣ попытки раціоналистическаго направленія, народъ находилъ себѣ утѣшеніе въ агадическихъ поэтическихъ произведеніяхъ, уносившихъ народное воображеніе далеко отъ печальной дѣйствительности... Въ этомъ отношеніи особенное значеніе имѣли тѣ изъ агадическихъ произведеній, въ которыхъ народъ находилъ поддержку своимъ палестино-мессіанскимъ надеждамъ. Одну изъ наиболѣе трогательныхъ легендъ мессіанскаго цикла мы встрѣчаемъ въ древнемъ Мидрашѣ „Echa Rabbathi“ („Великій плачъ“). Легенда начинается стихомъ:

„Когда я подумаю объ этомъ,
Тогда во мнѣ изливается душа моя“.

Далѣе разсказывается, какъ самъ Всеблагій Богъ плачетъ, вспоминая о гибели величія Израиля. Ангелы съ Метатрономъ во главѣ являются его утѣшить. Но Господь призываетъ къ себѣ пророка Іеремію и велитъ ему вызвать изъ могилъ Авраама, Исаака, Іакова и Моисея.

Когда патріархи и Моисей узнаютъ, что святыня разрушена и Израиль разсѣянъ, они раздираютъ свои одежды, разражаются плачемъ и начинаютъ предъ Богомъ предстательствовать за еврейскій народъ. Въ Мидрашѣ приводятся горячія мольбы патріарховъ, причемъ рельефно выступаетъ образъ каждаго изъ нихъ, и упреки и страстныя рѣчи Моисея, но Богъ остается непреклоннымъ. Тогда внезапно подбѣгаетъ къ Богу Рахиль. Ея рѣчь отличается такою наивно-поэтической прелестью, что я позволю себѣ привести ее въ извлеченіи: „Владыка міра, говоритъ Рахиль, тебѣ извѣстно какъ сильно любилъ меня твой рабъ Іаковъ, какъ ради меня онъ семь лѣтъ служилъ моему отцу. И когда семъ лѣтъ минули, задумалъ мой отецъ замѣнить меня сестрою..., и жестоко поразилъ меня этотъ замыселъ, о которомъ мнѣ удалось провѣдать. Я сказала объ этомъ Іакову, сообщила ему тайные знаки, по которымъ онъ могъ меня отличить отъ сестры и этимъ разрушить планъ моего отца..... Но скоро раскаялась въ этомъ, сжалившись надъ сестрою....., и я поборола пламень моей любви, и, когда вечеромъ ее привели къ Іакову вмѣсто меня, я дала ей всѣ тайные знаки, по которымъ онъ долженъ былъ узнать Рахиль..... И я..., женщина, плоть и кровь... не ревновала къ моей соперницѣ..... Почему же ты, о, Господи Всесильный и Всеблагій, приревновалъ Израиля къ идоламъ, дереву и камню, ничтожному праху... прогналъ моихъ дѣтей... умертвилъ ихъ мечемъ... отдалъ на произволъ врагамъ?“

Тогда тронулось милосердіе Высочайшаго, и такъ онъ сказалъ: „ради тебя, Рахиль, приведу я Израиля обратно на родину...“ *)

Въ этомъ произведеніи народнаго творчества все замѣчательно: величавыя фигуры патріарховъ, страстный народный вождь Моисей и полный поэтической прелести

*) Karpeles, „Geschichte d. jüd. Literatur“, (1886, стр. 343—8).

образъ самоотверженной еврейской женщины; знаменательна и глубокая мысль легенды, что самоотверженная женская любовь спасетъ народъ... Какой силой молодости, какою глубиною чувства вѣетъ отъ этой легенды! И кто бы могъ повѣрить, что нѣсколько вѣковъ схоластической діалектики не изсушили живыхъ источниковъ народнаго творчества!

Въ XII в. глубокая національная тоска по родной землѣ находитъ своего безсмертнаго выразителя въ томъ, кого Гейне называетъ „великимъ поэтомъ", „звѣздою и свѣточемъ" своего времени и народа—въ Іегудѣ Галеви. Въ своихъ звучныхъ стихахъ, въ коихъ оживаетъ языкъ пророковъ, поэтъ поетъ обо всемъ, что волнуетъ человѣческое сердце: о прелести милой подруги, о красотѣ весны, о радостяхъ дружбы, но всѣ эти напѣвы блѣднѣютъ предъ полными страстной тоски знаменитыми элегіями-сіонидами.

„Голубка моя, обращается поэтъ къ народу, вернись въ свое гнѣздо, лети въ Сіонъ". Затѣмъ—къ Палестинѣ: «О, дивный край, радость міра, градъ великаго Царя! Къ тебѣ стремится душа моя съ крайняго Запада!... Жгучая жалость наполняетъ меня, когда я вспомню о прежнемъ величіи твоемъ, нынѣ исчезнувшемъ! О, кто понесъ бы меня на орлиныхъ крыльяхъ, и я напоилъ бы землю слезами моими и обнималъ бы и цѣловалъ бы камни твои... Мое сердце на Востокѣ, а я на крайнемъ Западѣ..... Какъ могу я наслаждаться солнечнымъ свѣтомъ, когда я вижу, какъ вороны клюютъ орловъ твоихъ..... О, какъ смѣли сѣсть рабы на тронъ героевъ твоихъ!..."

Эту пѣснь народъ благоговѣйно сохранилъ въ своей памяти и включилъ ее въ свои молитвы...

Проходятъ вѣка. Въ потянувшейся изо дня въ день тусклой жизни народа не раздается больше такихъ страстныхъ призывовъ, но тоска національная не ослабѣваетъ; она выражается только не во вдохновенно-поэтическихъ образахъ и звукахъ, а въ сѣрыхъ прозаическихъ фор-

махъ. Во всѣхъ мемуарахъ евреевъ-очевидцевъ, описывающихъ страданія своихъ единоплеменниковъ въ средніе вѣка, выступаетъ непоколебимая увѣренность въ предстоящемъ возрожденіи народа въ Палестинѣ. Какою необычайною живучестью отличается палестинская идея, можно судить, между прочимъ, изъ того, что два такихъ одинаково отрѣзанныхъ отъ еврейской жизни лица, какъ Спиноза и Дизраэли (Биконсфильдъ) — геометрическаго склада ума философъ XVII в. и просвѣщенный государственный дѣятель XIX в.—оба допускали полную возможность возрожденія евреевъ на старой родинѣ. И въ творцѣ пантеистической философской системы и въ блестящемъ британскомъ премьеръ-министрѣ и авторѣ «Давида Алрои» вмѣстѣ съ еврейской кровью жила старая народная мечта.

Тоска по Палестинѣ выражалась не въ однихъ молитвахъ и произведеніяхъ народной лирики и эпоса, а и въ непрерывномъ рядѣ массовыхъ движеній, паломничествъ и эмиграцій въ Палестину. Исторіи массовыхъ движеній въ Палестину посвященъ, между прочимъ, появившійся въ прошломъ году въ печати историческій очеркъ М. И. Кулишера. *) Въ своемъ сжатомъ очеркѣ авторъ устанавливаетъ фактъ непрерывнаго тяготѣнія народа къ старой родинѣ и непрекращавшихся попытокъ массового движенія и эмиграцій въ Палестину. Причины, которыя отъ времени до времени обостряли эту, по мнѣнію автора, народную психическую болѣзнь, кроются въ 2-хъ внѣшнихъ фактахъ: во 1-хъ, въ томъ, что Палестина все время переходитъ изъ рукъ однихъ владѣльцевъ въ руки другихъ, и, во 2-хъ, въ ухудшеніи матеріальнаго положенія евреевъ. Но и самъ г. Кулишеръ признаетъ, что причины эти лишь *обостряютъ* болѣзнь. Какова же истинная внутренняя причина? Въ указанной здѣсь статьѣ мы не находимъ отвѣта на этотъ вопросъ; между

*) Восходъ, 1899, № 2.

тѣмъ, вѣдь, выясненіе происхожденія болѣзни—этіологія болѣзни—чрезвычайно важна для правильной постановки діагноза и метода леченія. Палестино-мессіанскія стремленія представляются г. Кулишеру лишь въ видѣ „мистическихъ бредней“, которыя сами не могутъ быть причиной движеній, а являются лишь послѣдствіемъ, но чего именно—авторъ не выясняетъ. Дѣло, однако, объясняется гораздо проще. Я думаю, что, называя тоску по Палестинѣ „мистическими бреднями“, г. Кулишеръ принялъ форму движенія за его сущность. Дѣйствительно, въ теченіи многихъ вѣковъ тоска по Палестинѣ, благодаря пониженію умственнаго уровня народа мертвящею схоластикою талмудизма, выражалась въ мистическихъ формахъ. Непрерывный рядъ лжемессіанскихъ движеній, чѣмъ далѣе принимавшихъ все болѣе фантастически-мистическій характеръ, свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, о живучести палестинской идеи, а съ другой—о помраченіи въ народѣ здраваго историческаго смысла, объ отсутствіи пониманія хода историческихъ событій и средствъ къ достиженію соціально-политическихъ задачъ. Нужно проникнуть въ мрачные тайники народной души, подавленной своимъ позорнымъ существованіемъ и доведенной до крайнихъ предѣловъ отчаянія, чтобы понять дикое мессіанское изступленіе саббатіанцевъ въ XVII в. и нравственныя извращенія франкистовъ въ XVIII в. Мы знаемъ, что голодные доходятъ до бреда и галлюцинацій. Еврейскій народъ вѣковымъ голодомъ, жаждою національнаго существованія доведенъ былъ до тяжкой психической болѣзни, которую наши историки, не давъ себѣ труда выяснить ея внутренней причины, сурово осудили. Мало того, какъ часто бываетъ въ такихъ случаяхъ, просвѣщенные врачи признали еврейскій народъ въ этомъ отношеніи неизлечимымъ маніакомъ, а само стремленіе въ Палестину не здоровою реальною потребностью, а „мистическими бреднями“.

Тѣмъ не менѣе, не смотря на противодѣйствіе своимъ палестино-мессіанскимъ надеждамъ и стремленіямъ, которое народъ встрѣчалъ со всѣхъ сторонъ, *сознаніе единенія народа съ ею землею, окристаллизовавшись въ теченіе 1000-лѣтняго палестинскаго періода въ нерастворимый элементъ народной психологіи*, продолжало служить главнымъ оплотомъ противъ безконечной цѣпи страданій, какія выпадали на его долю въ средніе вѣка. Не смотря на удары судьбы, постигавшіе народъ въ эпоху крестовыхъ походовъ, черной смерти, гайдамачины и т. д., онъ не могъ рѣшиться искать спасеніе въ раствореніи своей національности среди другихъ народовъ, такъ какъ таинственная связь, соединявшая народъ со старой родиной, не порывалась, и взоры народа продолжали быть устремленными на Востокъ.

X

Затаивъ глубокую свою печаль, народъ въ средніе вѣка продолжалъ жить одиноко, замкнутый въ гетто и отрѣзанный отъ міра талмудическою системою правилъ и запретовъ. Какъ же къ этому народу должны были относиться его сосѣди? Мы это знаемъ! Тому, кто знакомъ съ мартирологомъ еврейскаго народа, будетъ понятенъ безумный ужасъ, охватившій знаменитаго русскаго сатирика, когда его воображенію представился замученный еврейскій народъ: «когда я думаю, пишетъ Салтыковъ, о положеніи, созданномъ образами и стонами исконной легенды, преслѣдующей еврея изъ вѣка въ вѣкъ на всякомъ мѣстѣ — право, мнѣ представляется, что я съ ума схожу. Кажется, что за этою легендою зіяетъ бездонная пропасть, наполненная кипящею смолою, и въ этой пропасти безнадежно агонизируютъ цѣлыя массы людей, у которыхъ отнято все, даже право на смерть.

Ни одинъ человѣкъ въ цѣломъ мірѣ, продолжаетъ Салтыковъ, не найдетъ въ себѣ столько творческой силы,

чтобъ вообразить себя въ положеніи этой неумирающей агоніи, а еврей родится въ ней и для нея. Стигматизированный, онъ является на свѣтъ, стигматизированный, агонизируетъ въ жизни и стигматизированный же умираетъ. Или, лучше сказать, не умираетъ, а видитъ себя и по смерти безсрочно стигматизированнымъ въ лицѣ своихъ дѣтей и присныхъ. Нѣтъ выхода изъ кипящей смолы, нѣтъ иныхъ перспективъ, кромѣ зубовнаго скрежета. Что бы еврей ни предпринялъ, онъ всегда остается стигматизированнымъ. Дѣлается онъ христіаниномъ—онъ выкрестъ; остается при іудействѣ—онъ пёсъ смердящій. Можно ли представить себѣ мучительство болѣе безумное и безсовѣстное?“ *).

Потрясающій трагизмъ этой страшной, достойной кисти Данте, картины знаменитаго сатирика станетъ еще безпредѣльнѣй, если мы вспомнимъ, что состояніе неумирающей агоніи характеризуетъ не только внѣшнее положеніе еврейскаго народа, но и внутренній міръ народной души, міръ его вѣрованій и надеждъ, о которыхъ нашъ сатирикъ не могъ знать. Не представлялъ себѣ Салтыковъ и того, что должны испытывать тѣ слои еврейскаго народа, которые, не смотря на глухую стѣну, отдѣляющую ихъ отъ европейскихъ народовъ, всѣмъ сердцемъ и душою привязывались къ странамъ своихъ поселеній, на которыя они не могли не смотрѣть, какъ на свою естественную родину. Вѣдь рядомъ съ національнымъ чувствомъ въ евреѣ не переставало биться сердце общечеловѣка! Неужели напрасно, или преждевременно, евреи, убивая въ себѣ національныя чувства, искали защиты въ „забытыхъ словахъ“—въ справедливости и братствѣ всѣхъ людей!

Много труда положено на выясненіе причинъ вражды къ евреямъ всѣхъ другихъ народовъ. „Много умовъ билось въ мукахъ“ надъ разрѣшеніемъ „проклятаго“ еврей-

*) Салтыковъ, „Недоконченныя бесѣды“, 1885, стр. 126.

скаго вопроса. Были указаны сотни причинъ этой ненависти къ вѣчному народу. Въ объясненіе мотивовъ вражды входили элементы религіозные, юридическіе, національные, экономическіе, расовые и т. д., и т. д. Не было однако обращено вниманія на одну черту въ каждой изъ этихъ причинъ: является-ли каждая изъ указанныхъ категорій по отношенію къ евреямъ простымъ мотивомъ человѣческой вражды, или квалифицированнымъ, т. е. заключающимъ въ себѣ еще особый плюсъ, имѣющій мѣсто только въ отношеніи къ евреямъ. Мы знаемъ, что вражда существовала между всѣми народами, и что и теперь національную непріязнь надо признать безспорнымъ психологическимъ фактомъ. И во время существованія еврейскаго государства другіе народы относились къ евреямъ враждебно, но ту ли же *простую* національную вражду мы наблюдаемъ и въ теченіи всего періода разсѣянія, т. е. такую ли же національную непріязнь, какую, напр., французы питаютъ къ англичанамъ и т. п.? То же самое и въ области религіозной. Развѣ религіозная вражда къ евреямъ тождественна съ враждою, напр., къ мусульманству и буддизму? Далѣе, одно время предполагали, что вражда къ евреямъ является продуктомъ ихъ юридическаго положенія, ихъ неравноправія, но не стало ли въ наше время очевиднымъ, что устраненіе правовыхъ ограниченій вовсе не ослабляетъ этой вражды? Затѣмъ особенно серьезное значеніе приписывали экономическимъ причинамъ. Въ средніе вѣка евреямъ не было мѣста среди замкнутыхъ корпорацій феодальнаго и цехового стоя. Исчезли цехи и феодализмъ; перераспредѣленіе экономическихъ классовъ и группъ измѣнялось нѣсколько разъ за послѣдніе вѣка, а евреи все еще не могутъ занять законнаго мѣста среди европейскихъ общественныхъ классовъ. Но почему? Не ясно ли, что экономическія отношенія являются не причиною, а послѣдствіемъ вражды! Евреи—нежелательные конкурренты въ экономической жизни только потому,

что они евреи. Отъ нихъ, гдѣ можно, извлекаютъ пользу, но и тогда они ненавистны. Ни въ какой связи съ тѣмъ или инымъ строемъ экономической жизни—цехово-феодальнымъ, земледѣльческимъ, меркантильнымъ, индустріальнымъ, капиталистическимъ и т. д., ни въ какой связи съ ними вражда къ евреямъ не находится. Экономическія отношенія мѣнялись непрерывно, а вражда къ евреямъ оставалась неизмѣнною. Наконецъ шаткость всѣхъ этихъ причинъ вызвала къ жизни новый и послѣдній аргументъ, это—расовая антипатія, атавистическая вражда арійца къ семиту. Опровергать этотъ аргументъ нѣтъ собственно никакой надобности: дѣленіе народовъ на арійцевъ и семитовъ—не болѣе, какъ филологическая гипотеза; никогда арійцевъ и семитовъ, какъ 2-хъ особыхъ народностей, не существовало, да къ тому не одни евреи принадлежатъ по языку къ семитической вѣтви. Въ отношеніи арабовъ нѣтъ антисемитизма. Если всѣ эти причины, однако, не даютъ достаточнаго объясненія вражды народовъ къ евреямъ, если во всѣхъ причинахъ, вмѣстѣ взятыхъ, и въ каждой въ отдѣльности скрывается еще *особый специфическій плюсъ*, то въ чемъ же онъ заключается?

Въ самомъ дѣлѣ, вся совокупность сложныхъ взаимныхъ отношеній евреевъ и народовъ, среди которыхъ евреи живутъ въ теченіи тысячелѣтій, можетъ быть формулирована однимъ краткимъ положеніемъ: всегда и вездѣ евреи *чужіе*, пришельцы, нежеланные гости, хотя бы время поселенія ихъ въ странѣ скрывалось въ глубокой древности. И самъ еврейскій народъ въ теченіи среднихъ вѣковъ не могъ не чувствовать себя *чужимъ* въ странахъ своего изгнанія, въ голусѣ. Въ томъ-то и весь безпредѣльный трагизмъ положенія еврейскаго народа, что онъ не переставалъ быть и считаться чужимъ, инороднымъ тѣломъ, не способнымъ ассимилироваться съ мѣстными этнографическими элементами и окончательно раствориться въ господствующей въ странѣ на-

ціональной средѣ! *). Нигдѣ евреи, какъ субъектъ гражданскихъ и политическихъ правъ, не ставятся наравнѣ съ коренными жителями. Они или лишь терпимы, какъ чужіе, или должны быть эмансипированы, какъ существа по самой природѣ своей неполноправныя. Отношеніе къ евреямъ, какъ къ чужимъ, разнится отъ отношенія къ иностранцамъ по современному международному праву. По существующему нынѣ началу взаимности между государствами иностранецъ, за малыми исключеніями, пользуется всей полнотой гражданскихъ правъ; ограниченія въ области общественныхъ и политическихъ правъ не существенны для иностранца, осуществляющаго эти права въ своемъ отечествѣ. Евреи же продолжаютъ считаться чужими, иностранцами въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово понималось въ древности, когда иностранецъ, пока не находилъ себѣ патрона въ лицѣ кого либо изъ полноправныхъ гражданъ, былъ какъ бы внѣ закона. Точно также евреи для осуществленія простыхъ естественныхъ правъ человѣка нуждаются въ спеціальной защитѣ закона. Все, что буквой закона не разрѣшено спеціально евреямъ, считается для нихъ воспрещеннымъ. Общаго права для евреевъ, какъ для чужихъ, не существуетъ; они пользуются защитой спеціально о нихъ и для нихъ изданныхъ законовъ. Такое отношеніе къ евреямъ народовъ—хозяевъ страны наблюдается неизмѣнно во весь періодъ разсѣянія.

Дѣйствительно, лишь пока политическая организація въ Зап. Европѣ, начиная съ V в. **), находится въ переходномъ состояніи, присутствіе евреевъ, какъ чужого

---

*) Л. Пинскеръ, „Autoemancipation. Mahnruf an seine Stammesgenossen von einem russischen Juden“, (1882).

**) Въ самой Римской Имперіи евреи до паденія своего государства первоначально устраиваются на общемъ основаніи. Впослѣдствіи отношенія къ евреямъ императорской власти мѣнялись подъ вліяніемъ разныхъ политическихъ соображеній: съ евреями боролись, какъ съ воюющей стороной, позже, какъ

элемента, не вызываетъ особой непріязненной реакціи. Въ теченіи 5—6-ти вѣковъ, среди наступившаго послѣ паденія Зап. Римской Имперіи и появленія новыхъ варварскихъ народовъ политическаго хаоса, евреи, какъ наиболѣе культурная часть населенія, занимаютъ сравнительно благопріятное положеніе. Они являются торговыми посредниками между Востокомъ и Западомъ, руководителями обширной морской и караванной торговли, занимаются ремеслами и земледѣліемъ (напр., въ сѣв. Испаніи и на югѣ Франціи). Равнымъ образомъ въ рядѣ завоевательныхъ и эфемерныхъ государствъ, основанныхъ арабами, евреи, какъ наиболѣе трудолюбивая и предпріимчивая часть населенія, пріобрѣтаютъ огромное экономическое значеніе. Едва ли, однако, можно сомнѣваться въ томъ, что мирное сожительство арабовъ съ евреями не закончилось бы также, какъ напр., совмѣстное жительство христіанъ съ евреями на югѣ Франціи въ XI в., если бы оно продолжалось до той поры, когда осложнившаяся соціально-экономическая жизнь выдвинула бы различіе между тѣми, кто считалъ себя хозяевами страны и тѣми, кто продолжалъ оставаться пришельцами. Арабы, однако, не вырабатываютъ въ своихъ государствахъ твердой соціально-политической системы; разрозненные элементы не сплачиваются и не преобразуются въ крупный и сильный національно-политическій организмъ, кторый могъ бы выдержать натискъ молодыхъ христіанскихъ народовъ.

Роковая черта исторической судьбы евреевъ въ періодъ разсѣянія заключается въ томъ, что не смотря на

съ мятежниками (при императорѣ Адріанѣ); затѣмъ еврейскій прозелитизмъ казался опаснымъ государственной языческой религіи (преслѣдованія Домиціана), позже — государственной христіанской религіи, но въ общемъ въ космополитической разноплеменной Римской Имперіи евреи находились на положеніи другихъ покоренныхъ народовъ (Vogelstein u. Rieger, „Gesch. d. Juden in Rom“, I, стр. 1—35).

то, что въ долгіе вѣка своихъ странствій имъ приходилось поселяться въ странахъ, гдѣ мѣстное населеніе было сравнительно рѣдко и гдѣ не было твердаго политическаго порядка, не взирая на это, евреямъ никогда не приходило въ голову попытаться стать хозяевами какого либо уголка, куда ихъ забросила судьба. И вотъ по мѣрѣ того какъ въ Зап. Европѣ, начиная съ X в., упрочивается политическая система, утверждаются новыя феодальныя государства, замыкаются цеховыя корпораціи, возникаютъ торговые городскіе союзы,—евреевъ, какъ внѣшній, чужой элементъ, начинаютъ вытѣснять *) изо всѣхъ областей производительнаго труда: сначала земледѣльческаго и ремесленнаго, а затѣмъ изо всѣхъ отраслей торговой дѣятельности, кромѣ ростовщичества, мелочной торговли и торговли старымъ платьемъ. Въ силу каноническаго закона, воспрещавшаго христіанамъ давать деньги въ ростъ, ростовщичество навязывается евреямъ, какъ занятіе обязательное, дававшее еврею право на жительство въ данномъ городѣ. Иногда евреямъ приходилось фиктивно заниматься ростовщичествомъ, чтобы не быть изгнанными изъ страны, гдѣ они жили уже въ теченіи сотенъ лѣтъ.

Гонимые на Западѣ, евреи подвигаются на Востокъ въ страны, гдѣ еще не завершившійся соціально-политическій порядокъ даетъ мѣсто новымъ общественнымъ элементамъ. Наряду съ крестьянствомъ, крупной и мелкой землевладѣльческой шляхтой и духовенствомъ, городскіе торгово-ремесленные классы въ XIII—XV вв. находятся въ Польшѣ и Литвѣ еще въ зачаточ-

---

*) Въ обычномъ представленіи ухудшеніе положенія евреевъ съ X по XIV в. связывается съ разными внѣшними фактами: съ крестовыми походами, усиленіемъ католицизма, черной смертью; на самомъ дѣлѣ причины, въ силу которыхъ названныя историческія явленія сопровождались преслѣдованіемъ евреевъ, лежатъ, какъ видно здѣсь, гораздо глубже.

номъ состояніи. Казалось, здѣсь евреямъ удастся заполнить цѣлый отсутствующій общественный классъ. Правда, въ силу общихъ политическихъ условій, евреи устраиваются въ Польшѣ и Литвѣ на частномъ правѣ: рядомъ отдѣльныхъ грамотъ и договоровъ съ польско-литовскими феодальными владѣльцами и королями разныя группы евреевъ обезпечиваютъ себѣ торговыя права и общинное самоуправленіе. Однако и послѣ 5-ти-вѣковой совмѣстной съ поляками жизни евреямъ не удалось войти въ составъ польско-литовскаго государства въ качествѣ равноправнаго политическаго сословія. Ограждая рядомъ привилегій торгово-промышленную дѣятельность евреевъ, предоставляя имъ организоваться въ видѣ замкнутой самоуправляющейся общины, польско-литовское государство продолжаетъ смотрѣть на евреевъ, какъ на иностранцевъ. Скопленіе евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ имѣло роковое, въ положительномъ и отрицательномъ смыслѣ, вліяніе на историческую судьбу еврейскаго народа. Съ одной стороны, польско-литовскій политическій строй консервировалъ средневѣковое еврейство съ его кагальной организаціей, отрѣзанностью отъ просвѣтительныхъ внѣшнихъ теченій и безграничнымъ господствомъ талмудической системы; съ другой—послѣ преслѣдованій эпохи крестовыхъ походовъ и черной смерти (XI—XIV в.) евреи въ Польшѣ и Литвѣ нашли убѣжище, гдѣ они были избавлены отъ полнаго истребленія. Если еврейскій народъ, просуществовавъ $2^1/_2$ тысячелѣтія въ твердомъ упованіи на осуществленіе своего національнаго идеала, получилъ, во избѣжаніе смерти, возможность влачить тусклую, сѣрую жизнь—онъ этимъ обязанъ польско-литовскому государству. Однако нигдѣ и никогда умственный уровень жизни еврейскаго народа не падалъ такъ низко, какъ здѣсь въ теченіи XVI, XVII и XVIII вв. Національная жизнь выражалась въ уродливомъ кагальномъ устройствѣ, въ культивированіи талмудической схоластики и увлеченіи мистикой

и мессіанской каббалистикой. Со второй половины XVIII в. среди польско-литовскаго еврейства съ особой силой распространилось новое теченіе, извѣстное подъ именемъ хасидизма. Явившись отголоскомъ старыхъ мистико-каббалистическихъ ученій, хасидизмъ нашелъ особо благопріятную почву въ еврейскомъ населеніи югозападной части польскаго государства (Подоліи, Волыни и Галиціи). Обезсиленные экономически послѣ страшнаго разгрома 1648-58 гг., евреи югозападнаго края долго не могли оправиться и искали опоры то въ мессіанскихъ надеждахъ, то въ новыхъ теченіяхъ религіозной мысли. Бездушный раввинизмъ, съ помощью безграничной кагальной власти вторгавшійся своей мелочной регламентаціей въ частную жизнь, не удовлетворялъ болѣе запросамъ наболѣвшей души, и народъ сталъ жадно внимать новому ученію. Спасеніе, гласило оно, не въ изученіи религіознаго законодательства, талмудической письменности, не въ исполненіи мелочныхъ обрядовъ, а въ простой сердечной вѣрѣ въ благость Божью и въ общеніи съ Нимъ посредствомъ молитвъ. Въ новомъ ученіи на первый планъ выдвигается не религіозное познаніе, а чувство, восторженное религіозное настроеніе и молитвенный экстазъ. Лишь немногія избранныя души способны достигать высшихъ точекъ религіознаго экстаза— это души цаддиковъ или праведниковъ.

Въ дальнѣйшемъ развитіи хасидизма, благодаря низкому умственному и культурному уровню народа, получили преобладаніе не внутренніе элементы религіозной жизни, а внѣшнія формы, выродившіяся въ темную систему цаддикизма. Праведникъ или цаддикъ, одаренный, въ качествѣ посредника между Богомъ и обыкновенными смертными, способностью ясновидѣнія и чудодѣйства, сдѣлался непреложнымъ авторитетомъ въ глазахъ хасидской массы, погрузившейся въ еще болѣе густой мракъ суевѣрія и невѣжества, чѣмъ слои народа, оставшіеся вѣрными раввинизму. Между представителями

хасидскаго теченія и приверженцами стараго раввинизма возгорѣлась война, къ сожалѣнію не ограничившаяся одной литературной областью. Распри между хасидами и ихъ противниками (миснагдами) наложили особенно безотрадный отпечатокъ на исторію еврейскихъ общинъ Польши и Литвы во вторую половину XVIII-го и первую половину XIX вв. На эту религіозную борьбу растрачивались всѣ общественныя силы въ то время, когда народъ особенно нуждался въ пробужденіи его самодѣятельности и въ принятіи мѣръ къ спасенію отъ грозившаго ему физическаго и моральнаго вырожденія.

До какой степени способность къ здоровой общественной и политической самопомощи была убита въ народѣ видно изъ того, что въ то время какъ въ теченіи XVI и XVII вв. эмиграціоннымъ потокомъ изъ Европы положено въ Америкѣ основаніе цѣлому ряду новыхъ государствъ, евреи, подвергаясь въ это время массовымъ преслѣдованіямъ (гайдамачина), не двинулись въ новый, свободный міръ завоевать себѣ національное пристанище. Поверхностный наблюдатель еврейской жизни въ XVIII в. не могъ бы не констатировать, что еврейскій народъ, какъ нація, способная къ общественно-политической самопомощи, умеръ. Ничто не предвѣщало, что таившееся въ душѣ народа чувство неразрывной связи со старой родиной выступитъ наружу и властно повлечетъ народъ къ новой жизни. Для пробужденія спавшаго тяжелымъ, полнымъ гнетущихъ кошмаровъ и видѣній, сномъ народа нужны, однако, были *сильныя средства.* Жившій долгіе вѣка въ отравленной атмосферѣ народъ нуждался въ сильномъ противоядіи. Роль этого сильно дѣйствующаго и опаснаго средства принадлежитъ просвѣтительному движенію конца XVIII и XIX вѣковъ. Подъ его вліяніемъ еврейскому народу предстояло или растворитъся въ общеевропейской средѣ, или возродиться къ новой національной жизни.

XI.

Въ концѣ XVIII в. новыя свободныя вѣянія въ умственной и политической жизни Зап. Европы сгущаются въ грозный натискъ пробившагося на просторъ критическаго ума. На Гревской площади Парижа, среди потоковъ крови, провозглашаются начала свободы, равенства и братства всѣхъ людей. Въ медовомъ мѣсяцѣ, который празднуетъ богиня свободы, не забытъ и несчастный, отверженный всѣми, народъ. Великая, въ то время, французская нація даруетъ гражданскія права евреямъ своей страны. Мало того, находится и геніальный полководецъ, берущій, будто, на себя задачу навязать всей Европѣ великія начала революціи. Всюду, гдѣ является побѣдоносное французское войско, евреи превращаются въ полноправныхъ гражданъ. Между прочимъ, великій корсиканецъ, невѣжество котораго равнялось его геніальности, жестоко посмѣялся надъ еврейскимъ народомъ. Предъ осадой С. Жанъ д'Арка въ Палестинѣ, Наполеонъ по своему обыкновенію обратился съ прокламаціей къ палестинскимъ евреямъ, въ которой онъ приглашаетъ ихъ возстать за освобожденіе своей родины и обѣщаетъ имъ возстановить еврейское государство *). Тому, кто впослѣдствіи раздавалъ въ Европѣ короны, быть можетъ, грезились въ Палестинѣ потомки Маккавеевъ. Призывъ Наполеона къ горсти нищихъ евреевъ, жившихъ въ то время въ Палестинѣ, прозвучалъ, какъ гласъ исторической Немезиды, какъ отомщеніе за многовѣковую работу вождей народа, убивавшихъ въ немъ здоровыя политическія стремленія и направлявшихъ въ Палестину лишь жалкихъ пенсіонеровъ халуки.

Мало по малу въ концѣ XVIII в. и началѣ XIX в. просвѣтительное движеніе проникаетъ и въ мрачное еврейское гетто; нарождаются новыя теченія и въ еврей-

*) Graetz, т. XI, стр. 236.

ской народной жизни. Первое теченіе носитъ грубо ассимиляціонный отпечатокъ. Цѣлые слои еврейскаго народа съ увлеченіемъ набрасываются на новые источники знанія. Такъ какъ внутри гетто — душно и мрачно, то люди начинаютъ уходить, выбрасывать за бортъ всѣ старыя традиціи и воспринимать міровоззрѣніе, обычаи, нравы и внѣшнія черты христіанской культуры. Другое теченіе заключается въ стремленіи къ реформированію еврейскаго религіознаго и общественнаго быта. Въ общеевропейскомъ стремленіи очистить, убрать отжившіе остатки среднихъ вѣковъ передовые евреи также увлечены желаніемъ уничтожить безобразный обликъ средне-вѣкового еврея, который служитъ для нихъ предметомъ стыда и укора въ обществѣ ихъ просвѣщенныхъ христіанскихъ друзей. Въ отсталости еврейскаго религіознаго и общественнаго быта усматривается главное препятствіе къ пріобщенію народа къ европейской культурѣ и къ превращенію евреевъ въ полноправныхъ гражданъ. Съ тѣхъ поръ просвѣщеніе и правовая эмансипація становятся основными стимулами дѣятельности передовой части еврейскаго народа.

Во главѣ этого движенія сталъ Мендельсонъ и его послѣдователи. Мендельсоновской школѣ, однако, недоставало историческаго чувства и истиннаго пониманія законовъ развитія народной жизни, и потому представители этой школы внутри еврейской жизни могли лишь дѣйствовать разрушительно. Непониманіе основъ еврейскаго историческаго процесса не прекратилось и тогда, когда послѣдователи этого теченія рѣшили обратиться къ изученію старыхъ устоевъ народной жизни—источниковъ еврейскаго вѣроученія и его письменности и всего народнаго прошлаго. Немаловажная, однако, заслуга толчка, даннаго Мендельсоновскимъ переводомъ Библіи, заключалась въ томъ, что имъ было положено начало новому литературному движенію, вызвавшему вновь интересъ къ еврейскому языку и литературѣ и

приведшему къ созданію новой нѣмецкой „науки о еврействѣ“. Въ этой наукѣ евреямъ пришлось отчасти идти по слѣдамъ протестантскихъ богослововъ. Оказалось, что въ области библейской экзегетики и изслѣдованія библейскаго періода исторіи нѣмцы опередили евреевъ. Труды нѣмецкихъ богослововъ и историковъ оказали огромное вліяніе на историческое мышленіе еврейскихъ изслѣдователей. Въ этой нѣмецкой «наукѣ о еврействѣ», во 1-хъ, главный интересъ сосредоточивается на юдаизмѣ, какъ религіозной системѣ, евреи же, какъ народъ, занимаютъ здѣсь второстепенное мѣсто, и, во 2-хъ, преобладаетъ антикварно-археологическое направленіе; наука еврейства уподобляется египтологіи, ассиріологіи, т. е. исторіи мертваго народа. Тѣмъ не менѣе нельзя не признать огромныхъ заслугъ за выдающимися представителями этого научнаго теченія (Цунцъ, Гейгеръ, З. Френкель и др.), положившими фундаментъ историко-критическаго изученія еврейскихъ литературныхъ памятниковъ.

Въ отношеніи живыхъ евреевъ періода разсѣянія въ это время формулируется также, какъ отголосокъ богословской тенденціи, теорія объ особой духовной миссіи еврейскаго народа *). По убѣжденію адептовъ этой теоріи евреи въ періодъ разсѣянія являются вездѣ носителями возвышенныхъ этическихъ началъ юдаизма и проводниками элементовъ культуры и соціальнаго прогресса вообще, и въ этомъ заключается ихъ историческая миссія. Въ блестящей формѣ схема философіи еврейской исторіи въ духѣ доктрины объ особой миссіи еврейскаго народа представлена въ сжатомъ очеркѣ Джемса Дарм-

*) Христіанскіе историки, признавая также духовную миссію еврейскаго народа, утверждаютъ, что она закончилась въ старозавѣтномъ періодѣ, который и былъ подготовительной ступенью для новозавѣтной исторіи. (см. Renan „Histoire du peuple d'Israel“ (1893).

стетера, «Coup d'œil sur l'histoire du peuple juif» *). По Дармстетеру исторія еврейской *націи* свершилась давно, и въ наши дни продолжается лишь исторія евреевъ, какъ носителей религіозной системы, которая по своимъ основнымъ началамъ представляется Дармстетеру тождественной съ послѣдними выводами науки XIX в. Основы юдаизма—монотеизмъ и мессіанская идея—это, по Дармстетеру, то же, что „единство силъ" и „вѣра въ вѣчный прогрессъ человѣчества". Мы уже указывали, насколько теорія о духовной избранности еврейскаго народа и объ исключительныхъ заслугахъ его въ дѣлѣ культуры и прогресса грѣшитъ противъ исторической правды. Соціально-политическое положеніе, въ которомъ еврейскій народъ пребывалъ въ теченіи среднихъ вѣковъ и пребываетъ досихъ поръ, весьма мало соотвѣтствуетъ навязываемой ему роли «учителя» и проводника прогрессивныхъ началъ. Если и правда, что указанныя выше Дармстетеромъ преходящія формы научнаго мышленія XIX в. могутъ быть въ своемъ генезисѣ сведены къ вѣчнымъ идеямъ юдаизма, то въ исторіи эволюціи этихъ идей принимали активное участіе и всѣ христіанскіе народы. Нельзя, слѣдовательно, усматривать въ «духовно-культурной миссіи» ни особой привилегіи евреевъ, ни спеціальнаго оправданія ихъ исторіи періода разсѣянія. Происхожденіе теоріи о духовной миссіи періода разсѣянія кроется въ логическомъ консерватизмѣ, т. е. въ той особенности человѣческаго ума, которая всякому существующему порядку вещей находитъ теоретическое оправданіе. У евреевъ нѣтъ своей территоріи, у нихъ нѣтъ обычныхъ элементовъ національно-политической жизни, слѣдовательно, надо искать историческій смыслъ и нравственное оправданіе ихъ существованія въ чемъ либо

*) J. Darmesteter, въ „Essais orientaux" 1883 и отд. 1881, переведенъ на нѣм. яз. Зингеромъ п. з. „Die Philosophie der Geschichte des jüdischen Volkes" (1884).

другомъ; если его не находятъ въ чемъ нибудь реальномъ, то на помощь является отвлеченная доктрина о духовной миссіи еврейскаго народа. Въ силу того-же логическаго консерватизма греческіе философы оправдывали рабство, находя, что оно — въ самой природѣ людей; столь же естественнымъ и сообразнымъ въ высшими цѣлями прогресса наши философы еврейства признавали разсѣяніе еврейскаго народа.

Теорія „духовной миссіи“ является главною опорою новаго теченія, которое я назову *вѣроисповѣдно-ассимиляціоннымъ*, теченія, существующаго и въ наши дни. По воззрѣніямъ представителей вѣроисповѣдно - ассимиляціоннаго теченія евреи должны сохранить свою религіозную систему, во всемъ же остальномъ имъ предстоитъ неизбѣжно ассимилироваться съ остальными народами. Искренніе и послѣдовательные представители вѣроисповѣдно-ассимиляціоннаго теченія равнодушны къ элементамъ національно-еврейской культуры, напр. къ еврейской письменности (т. е. литературѣ на древн. евр. яз.) и въ особенности современной, и полагаютъ, что мѣсто древнееврейскаго языка лишь въ синагогѣ (и въ школѣ онъ долженъ быть изучаемъ лишь для пониманія библіи и молитвъ.) Увлеченіе этими идеями выразилось и въ попыткахъ практическихъ реформъ религіознаго быта и привело къ основанію въ Германіи реформированной синагоги, вычеркнувшей слово «Мессія» изъ молитвъ. Просуществовавшее всего нѣсколько лѣтъ общество «Друзей реформъ» во Франкфуртѣ на Майнѣ публично объявило (1842), что евреи не ждутъ и не желаютъ появленія Мессіи, долженствующаго привести евреевъ въ Палестину.

Помимо своего вліянія на внутреннюю еврейскую жизнь, просвѣтительное движеніе въ еврейскомъ народѣ конца XVIII и начала XIX вв. имѣло немаловажное значеніе и для развитія общеевропейской культуры. Въ научно-литературной дѣятельности XIX в. евреи при-

няли чрезвычайно широкое участіе. Немного найдется такихъ областей въ наукахъ точныхъ и прикладныхъ, словесности и изящныхъ искусствахъ, въ которыхъ еврейскій народъ не выдвинулъ бы или выдающихся представителей, или многихъ рядовыхъ работниковъ. Несравненно менѣе плодотворные результаты дала евреямъ ихъ борьба за эмансипацію. На первыхъ порахъ надежды представителей вѣроисповѣдно-ассимиляціоннаго направленія на предоставленіе евреямъ, вслѣдъ за пріобщеніемъ ихъ къ общеевропейской культурѣ, гражданскихъ и политическихъ правъ, казалось, должны были оправдаться. Съ обновленіемъ государственнаго строя въ большинствѣ западно-европейскихъ государствъ, послѣ февральской революціи 1848 г., была провозглашена равноправность всѣхъ гражданъ безъ различія вѣроисповѣданій; это основное начало новыхъ западно-европейскихъ конституцій было распространено и на евреевъ. Политическая и гражданская эмансипація евреевъ, казалось, разъ навсегда должна была разсѣять средневѣковую атмосферу вражды, окружавшую евреевъ, вернуть къ нимъ общее уваженіе, какъ къ полноправнымъ гражданамъ, и открыть для нихъ широкій просторъ дѣятельности во всѣхъ областяхъ экономической и общественной жизни. Дѣйствительно, въ теченіи первыхъ двухъ-трехъ десятилѣтій образованные и состоятельные классы еврейскаго народа въ Западной Европѣ, принимавшіе активное участіе въ политическихъ движеніяхъ 1830—48 гг., широко воспользовались дарованной эмансипаціей и, съ одной стороны, выдвинули рядъ дѣятелей въ общественной и конституціонной жизни западно-европейскихъ государствъ, а съ другой — благодаря своей предпріимчивости и трудолюбію, заняли очень замѣтное мѣсто въ развившихся новыхъ отрасляхъ промышленности и торговли (въ банковыхъ, желѣзнодорожныхъ, фабрично-заводскихъ и въ другихъ видахъ акціонерныхъ предпріятій). Наступившее благополучіе высшихъ

слоевъ еврейскаго народа весьма, однако, слабо отразилось на жизнь массы, которая, продолжая коснѣть въ невѣжествѣ и нищетѣ, могла лишь въ очень незначительной степени воспользоваться благами дарованной эмансипаціи; наоборотъ, пропасть между массой и высшими слоями еврейскаго народа становилось все глубже. Для того, чтобы предоставленная евреямъ на Западѣ юридическая свобода занятій, мѣстожительства и передвиженій могли замѣтно повліять на повышеніе благосостоянія народа въ цѣломъ, нужно было, чтобы въ теченіи многихъ десятилѣтій евреи фактически могли развивать свою хозяйственную дѣятельность въ одинаковыхъ условіяхъ со всѣми другими гражданами, одинаково со всѣми подчиняясь законамъ экономической конкуренціи. Вскорѣ, однако, оказалось, что конституціонныя хартіи, которымъ не соотвѣтствуетъ фактическое соотношеніе силъ общественныхъ классовъ, превращаются въ мертвую букву. По мѣрѣ того какъ ассимиляціонное теченіе расширялось и цѣлые новые слои еврейскаго народа вступали въ ряды европейскаго общества, стало наростать движеніе, направленное на этотъ разъ противъ евреевъ, не какъ представителей извѣстнаго исповѣданія, а какъ членовъ особой національности или расы. Старая вражда къ евреямъ приняла новую оболочку, соотвѣтствовавшую духу времени и стала проявляться не въ сферѣ полицейской, а въ экономической и общественной жизни. И полноправный de jure еврей почувствовалъ на себѣ гнетъ этой вражды, унижавшей его нравственно и тѣснившей его, гдѣ было возможно, матеріально.

Тѣ же основныя теченія, что въ Западной Европѣ, мы встрѣчаемъ и въ русскомъ еврействѣ *) съ той лишь

*) Ради полноты здѣсь можно еще указать на единичныя попытки религіозныхъ реформъ въ 1880-хъ гг., приведшія къ основанію двухъ эфемерныхъ сектъ („Братья-библейцы“ и „Новозавѣтный Израиль“) и не коснувшіяся народныхъ массъ.

разницей, что здѣсь эти теченія, являясь отраженіемъ западно-европейскихъ, во 1-хъ, опаздываютъ на два-три дѣсятилѣтія и, во 2-хъ, приспособляются къ условіямъ русской жизни.

Новому—послѣднихъ 18 лѣтъ—національному теченію въ еврейскомъ народѣ, возникшему почти одновременно и на Западѣ и у насъ, и объединившему западно-европейское и русское еврейство, предшествовало литературное движеніе, въ извѣстной степени проникнутое націоналистической тенденціей. Возбужденіе интереса къ еврейскому языку и письменности, вызванное дѣятельностью представителей Мендельсоновской школы, не прошло безслѣдно. Раньше всего, именно, въ кругахъ, культивировавшихъ возродившуюся еврейскую письменность, стало просыпаться національное сознаніе, подсказывавшее, что евреи—не одно лишь религіозное общество, а *нація*, но нація особенная, *духовная нація*, лишенная всѣхъ аттрибутовъ естественныхъ націй и «замѣняющая эти аттрибуты одними духовными силами». Еврейскому народу рекомендуется сохранить свою національную индивидуальность исключительно въ духовно-религіозной сферѣ, въ томъ предположеніи, что еврейскій народъ достигъ уже высшей ступени культурнаго развитія, на которой онъ болѣе не нуждается, подобно другимъ народамъ, въ политическихъ средствахъ защиты своей самобытности. Воззрѣніе это является безсознательнымъ рабскимъ отголоскомъ богословской тенденціи въ исторической еврейской наукѣ. Теорія духовной націи *) заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, логическій non sens. Понятіе о націи—нѣчто вполнѣ конкретное и опредѣленное въ своихъ признакахъ. Присоединяя

*) Въ послѣднее время теорію „духовно-исторической націи“ развивалъ въ своихъ „Письмахъ о старомъ и новомъ еврействѣ“ г. Дубновъ (Восходъ 1897—99 гг.). Его пространная аргументація не устраняетъ коренного дефекта этой теоріи, ея внутренняго противорѣчія.

слоевъ еврейскаго народа весьма, однако, слабо отразилось на жизнь массы, которая, продолжая коснѣть въ невѣжествѣ и нищетѣ, могла лишь въ очень незначительной степени воспользоваться благами дарованной эмансипаціи; наоборотъ, пропасть между массой и высшими слоями еврейскаго народа становилось все глубже. Для того, чтобы предоставленная евреямъ на Западѣ юридическая свобода занятій, мѣстожительства и передвиженій могли замѣтно повліять на повышеніе благосостоянія народа въ цѣломъ, нужно было, чтобы въ теченіи многихъ десятилѣтій евреи фактически могли развивать свою хозяйственную дѣятельность въ одинаковыхъ условіяхъ со всѣми другими гражданами, одинаково со всѣми подчиняясь законамъ экономической конкуренціи. Вскорѣ, однако, оказалось, что конституціонныя хартіи, которымъ не соотвѣтствуетъ фактическое соотношеніе силъ общественныхъ классовъ, превращаются въ мертвую букву. По мѣрѣ того какъ ассимиляціонное теченіе расширялось и цѣлые новые слои еврейскаго народа вступали въ ряды европейскаго общества, стало наростать движеніе, направленное на этотъ разъ противъ евреевъ, не какъ представителей извѣстнаго исповѣданія, а какъ членовъ особой національности или расы. Старая вражда къ евреямъ приняла новую оболочку, соотвѣтствовавшую духу времени и стала проявляться не въ сферѣ полицейской, а въ экономической и общественной жизни. И полноправный de jure еврей почувствовалъ на себѣ гнетъ этой вражды, унижавшей его нравственно и тѣснившей его, гдѣ было возможно, матеріально.

Тѣ же основныя теченія, что въ Западной Европѣ, мы встрѣчаемъ и въ русскомъ еврействѣ*) съ той лишь

*) Ради полноты здѣсь можно еще указать на единичныя попытки религіозныхъ реформъ въ 1880-хъ гг., приведшія къ основанію двухъ эфемерныхъ сектъ („Братья-библейцы“ и „Новозавѣтный Израиль“) и не коснувшіяся народныхъ массъ.

разницей, что здѣсь эти теченія, являясь отраженіемъ западно-европейскихъ, во 1-хъ, опаздываютъ на два-три дѣсятилѣтія и, во 2-хъ, приспособляются къ условіямъ русской жизни.

Новому—послѣднихъ 18 лѣтъ—національному теченію въ еврейскомъ народѣ, возникшему почти одновременно и на Западѣ и у насъ и объединившему западно-европейское и русское еврейство, предшествовало литературное движеніе, въ извѣстной степени проникнутое націоналистической тенденціей. Возбужденіе интереса къ еврейскому языку и письменности, вызванное дѣятельностью представителей Мендельсоновской школы, не прошло безслѣдно. Раньше всего, именно, въ кругахъ, культивировавшихъ возродившуюся еврейскую письменность, стало просыпаться національное сознаніе, подсказывавшее, что евреи—не одно лишь религіозное общество, а *нація*, но нація особенная, *духовная нація*, лишенная всѣхъ аттрибутовъ естественныхъ націй и «замѣняющая эти аттрибуты одними духовными силами». Еврейскому народу рекомендуется сохранить свою національную индивидуальность исключительно въ духовно-религіозной сферѣ, въ томъ предположеніи, что еврейскій народъ достигъ уже высшей ступени культурнаго развитія, на которой онъ болѣе не нуждается, подобно другимъ народамъ, въ политическихъ средствахъ защиты своей самобытности. Воззрѣніе это является безсознательнымъ рабскимъ отголоскомъ богословской тенденціи въ исторической еврейской наукѣ. Теорія духовной націи *) заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, логическій non sens. Понятіе о націи—нѣчто вполнѣ конкретное и опредѣленное въ своихъ признакахъ. Присоединяя

*) Въ послѣднее время теорію „духовно-исторической націи“ развивалъ въ своихъ „Письмахъ о старомъ и новомъ еврействѣ“ г. Дубновъ (Восходъ 1897—99 гг.). Его пространная аргументація не устраняетъ коренного дефекта этой теоріи, ея внутренняго противорѣчія.

слоевъ еврейскаго народа весьма, однако, слабо отразилось на жизнь массы, которая, продолжая коснѣть въ невѣжествѣ и нищетѣ, могла лишь въ очень незначительной степени воспользоваться благами дарованной эмансипаціи; наоборотъ, пропасть между массой и высшими слоями еврейскаго народа становилось все глубже. Для того, чтобы предоставленная евреямъ на Западѣ юридическая свобода занятій, мѣстожительства и передвиженій могли замѣтно повліять на повышеніе благосостоянія народа въ цѣломъ, нужно было, чтобы въ теченіи многихъ десятилѣтій евреи фактически могли развивать свою хозяйственную дѣятельность въ одинаковыхъ условіяхъ со всѣми другими гражданами, одинаково со всѣми подчиняясь законамъ экономической конкуренціи. Вскорѣ, однако, оказалось, что конституціонныя хартіи, которымъ не соотвѣтствуетъ фактическое соотношеніе силъ общественныхъ классовъ, превращаются въ мертвую букву. По мѣрѣ того какъ ассимиляціонное теченіе расширялось и цѣлые новые слои еврейскаго народа вступали въ ряды европейскаго общества, стало наростать движеніе, направленное на этотъ разъ противъ евреевъ, не какъ представителей извѣстнаго исповѣданія, а какъ членовъ особой національности или расы. Старая вражда къ евреямъ приняла новую оболочку, соотвѣтствовавшую духу времени и стала проявляться не въ сферѣ полицейской, а въ экономической и общественной жизни. И полноправный de jure еврей почувствовалъ на себѣ гнетъ этой вражды, унижавшей его нравственно и тѣснившей его, гдѣ было возможно, матеріально.

Тѣ же основныя теченія, что въ Западной Европѣ, мы встрѣчаемъ и въ русскомъ еврействѣ *) съ той лишь

*) Ради полноты здѣсь можно еще указать на единичныя попытки религіозныхъ реформъ въ 1880-хъ гг., приведшія къ основанію двухъ эфемерныхъ сектъ („Братья-библейцы“ и „Новозавѣтный Израиль“) и не коснувшіяся народныхъ массъ.

разницей, что здѣсь эти теченія, являясь отраженіемъ западно-европейскихъ, во 1-хъ, опаздываютъ на два-три дѣсятилѣтія и, во 2-хъ, приспособляются къ условіямъ русской жизни.

Новому—послѣднихъ 18 лѣтъ—національному теченію въ еврейскомъ народѣ, возникшему почти одновременно и на Западѣ и у насъ и объединившему западно-европейское и русское еврейство, предшествовало литературное движеніе, въ извѣстной степени проникнутое націоналистической тенденціей. Возбужденіе интереса къ еврейскому языку и письменности, вызванное дѣятельностью представителей Мендельсоновской школы, не прошло безслѣдно. Раньше всего, именно, въ кругахъ, культивировавшихъ возродившуюся еврейскую письменность, стало просыпаться національное сознаніе, подсказывавшее, что евреи—не одно лишь религіозное общество, а *нація*, но нація особенная, *духовная нація*, лишенная всѣхъ аттрибутовъ естественныхъ націй и «замѣняющая эти аттрибуты одними духовными силами». Еврейскому народу рекомендуется сохранить свою національную индивидуальность исключительно въ духовно-религіозной сферѣ, въ томъ предположеніи, что еврейскій народъ достигъ уже высшей ступени культурнаго развитія, на которой онъ болѣе не нуждается, подобно другимъ народамъ, въ политическихъ средствахъ защиты своей самобытности. Воззрѣніе это является безсознательнымъ рабскимъ отголоскомъ богословской тенденціи въ исторической еврейской наукѣ. Теорія духовной націи *) заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, логическій non sens. Понятіе о націи—нѣчто вполнѣ конкретное и опредѣленное въ своихъ признакахъ. Присоединяя

*) Въ послѣднее время теорію „духовно-исторической націи“ развивалъ въ своихъ „Письмахъ о старомъ и новомъ еврействѣ“ г. Дубновъ (Восходъ 1897—99 гг.). Его пространная аргументація не устраняетъ коренного дефекта этой теоріи, ея внутренняго противорѣчія.

слоевъ еврейскаго народа весьма, однако, слабо отразилось на жизнь массы, которая, продолжая коснѣть въ невѣжествѣ и нищетѣ, могла лишь въ очень незначительной степени воспользоваться благами дарованной эмансипаціи; наоборотъ, пропасть между массой и высшими слоями еврейскаго народа становилось все глубже. Для того, чтобы предоставленная евреямъ на Западѣ юридическая свобода занятій, мѣстожительства и передвиженій могли замѣтно повліять на повышеніе благосостоянія народа въ цѣломъ, нужно было, чтобы въ теченіи многихъ десятилѣтій евреи фактически могли развивать свою хозяйственную дѣятельность въ одинаковыхъ условіяхъ со всѣми другими гражданами, одинаково со всѣми подчиняясь законамъ экономической конкуренціи. Вскорѣ, однако, оказалось, что конституціонныя хартіи, которымъ не соотвѣтствуетъ фактическое соотношеніе силъ общественныхъ классовъ, превращаются въ мертвую букву. По мѣрѣ того какъ ассимиляціонное теченіе расширялось и цѣлые новые слои еврейскаго народа вступали въ ряды европейскаго общества, стало наростать движеніе, направленное на этотъ разъ противъ евреевъ, не какъ представителей извѣстнаго исповѣданія, а какъ членовъ особой національности или расы. Старая вражда къ евреямъ приняла новую оболочку, соотвѣтствовавшую духу времени и стала проявляться не въ сферѣ полицейской, а въ экономической и общественной жизни. И полноправный de jure еврей почувствовалъ на себѣ гнетъ этой вражды, унижавшей его нравственно и тѣснившей его, гдѣ было возможно, матеріально.

Тѣ же основныя теченія, что въ Западной Европѣ, мы встрѣчаемъ и въ русскомъ еврействѣ *) съ той лишь

*) Ради полноты здѣсь можно еще указать на единичныя попытки религіозныхъ реформъ въ 1880-хъ гг., приведшія къ основанію двухъ эфемерныхъ сектъ („Братья-библейцы“ и „Новозавѣтный Израиль“) и не коснувшіяся народныхъ массъ.

разницей, что здѣсь эти теченія, являясь отраженіемъ западно-европейскихъ, во 1-хъ, опаздываютъ на два-три десятилѣтія и, во 2-хъ, приспособляются къ условіямъ русской жизни.

Новому—послѣднихъ 18 лѣтъ—національному теченію въ еврейскомъ народѣ, возникшему почти одновременно и на Западѣ и у насъ и объединившему западно-европейское и русское еврейство, предшествовало литературное движеніе, въ извѣстной степени проникнутое націоналистической тенденціей. Возбужденіе интереса къ еврейскому языку и письменности, вызванное дѣятельностью представителей Мендельсоновской школы, не прошло безслѣдно. Раньше всего, именно, въ кругахъ, культивировавшихъ возродившуюся еврейскую письменность, стало просыпаться національное сознаніе, подсказывавшее, что евреи—не одно лишь религіозное общество, а *нація*, но нація особенная, *духовная нація*, лишенная всѣхъ аттрибутовъ естественныхъ націй и «замѣняющая эти аттрибуты одними духовными силами». Еврейскому народу рекомендуется сохранить свою національную индивидуальность исключительно въ духовно-религіозной сферѣ, въ томъ предположеніи, что еврейскій народъ достигъ уже высшей ступени культурнаго развитія, на которой онъ болѣе не нуждается, подобно другимъ народамъ, въ политическихъ средствахъ защиты своей самобытности. Воззрѣніе это является безсознательнымъ рабскимъ отголоскомъ богословской тенденціи въ исторической еврейской наукѣ. Теорія духовной націи *) заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, логическій non sens. Понятіе о націи—нѣчто вполнѣ конкретное и опредѣленное въ своихъ признакахъ. Присоединяя

*) Въ послѣднее время теорію „духовно-исторической націи“ развивалъ въ своихъ „Письмахъ о старомъ и новомъ еврействѣ“ г. Дубновъ (Восходъ 1897—99 гг.). Его пространная аргументація не устраняетъ коренного дефекта этой теоріи, ея внутренняго противорѣчія.

слоевъ еврейскаго народа весьма, однако, слабо отразилось на жизнь массы, которая, продолжая коснѣть въ невѣжествѣ и нищетѣ, могла лишь въ очень незначительной степени воспользоваться благами дарованной эмансипаціи; наоборотъ, пропасть между массой и высшими слоями еврейскаго народа становилось все глубже. Для того, чтобы предоставленная евреямъ на Западѣ юридическая свобода занятій, мѣстожительства и передвиженій могли замѣтно повліять на повышеніе благосостоянія народа въ цѣломъ, нужно было, чтобы въ теченіи многихъ десятилѣтій евреи фактически могли развивать свою хозяйственную дѣятельность въ одинаковыхъ условіяхъ со всѣми другими гражданами, одинаково со всѣми подчиняясь законамъ экономической конкуренціи. Вскорѣ, однако, оказалось, что конституціонныя хартіи, которымъ не соотвѣтствуетъ фактическое соотношеніе силъ общественныхъ классовъ, превращаются въ мертвую букву. По мѣрѣ того какъ ассимиляціонное теченіе расширялось и цѣлые новые слои еврейскаго народа вступали въ ряды европейскаго общества, стало наростать движеніе, направленное на этотъ разъ противъ евреевъ, не какъ представителей извѣстнаго исповѣданія, а какъ членовъ особой національности или расы. Старая вражда къ евреямъ приняла новую оболочку, соотвѣтствовавшую духу времени и стала проявляться не въ сферѣ полицейской, а въ экономической и общественной жизни. И полноправный de jure еврей почувствовалъ на себѣ гнетъ этой вражды, унижавшей его нравственно и тѣснившей его, гдѣ было возможно, матеріально.

Тѣ же основныя теченія, что въ Западной Европѣ, мы встрѣчаемъ и въ русскомъ еврействѣ *) съ той лишь

*) Ради полноты здѣсь можно еще указать на единичныя попытки религіозныхъ реформъ въ 1880-хъ гг., приведшія къ основанію двухъ эфемерныхъ сектъ („Братья-библейцы“ и „Новозавѣтный Израиль“) и не коснувшіяся народныхъ массъ.

разницей, что здѣсь эти теченія, являясь отраженіемъ западно-европейскихъ, во 1-хъ, опаздываютъ на два-три дѣсятилѣтія и, во 2-хъ, приспособляются къ условіямъ русской жизни.

Новому—послѣднихъ 18 лѣтъ—національному теченію въ еврейскомъ народѣ, возникшему почти одновременно и на Западѣ и у насъ, и объединившему западно-европейское и русское еврейство, предшествовало литературное движеніе, въ извѣстной степени проникнутое націоналистической тенденціей. Возбужденіе интереса къ еврейскому языку и письменности, вызванное дѣятельностью представителей Мендельсоновской школы, не прошло безслѣдно. Раньше всего, именно, въ кругахъ, культивировавшихъ возродившуюся еврейскую письменность, стало просыпаться національное сознаніе, подсказывавшее, что евреи—не одно лишь религіозное общество, а *нація*, но нація особенная, *духовная нація*, лишенная всѣхъ аттрибутовъ естественныхъ націй и «замѣняющая эти аттрибуты одними духовными силами». Еврейскому народу рекомендуется сохранить свою національную индивидуальность исключительно въ духовно-религіозной сферѣ, въ томъ предположеніи, что еврейскій народъ достигъ уже высшей ступени культурнаго развитія, на которой онъ болѣе не нуждается, подобно другимъ народамъ, въ политическихъ средствахъ защиты своей самобытности. Воззрѣніе это является безсознательнымъ рабскимъ отголоскомъ богословской тенденціи въ исторической еврейской наукѣ. Теорія духовной націи *) заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, логическій non sens. Понятіе о націи—нѣчто вполнѣ конкретное и опредѣленное въ своихъ признакахъ. Присоединяя

*) Въ послѣднее время теорію „духовно-исторической націи“ развивалъ въ своихъ „Письмахъ о старомъ и новомъ еврействѣ“ г. Дубновъ (Восходъ 1897—99 гг.). Его пространная аргументація не устраняетъ коренного дефекта этой теоріи, ея внутренняго противорѣчія.

слоевъ еврейскаго народа весьма, однако, слабо отразилось на жизнь массы, которая, продолжая коснѣть въ невѣжествѣ и нищетѣ, могла лишь въ очень незначительной степени воспользоваться благами дарованной эмансипаціи; наоборотъ, пропасть между массой и высшими слоями еврейскаго народа становилось все глубже. Для того, чтобы предоставленная евреямъ на Западѣ юридическая свобода занятій, мѣстожительства и передвиженій могли замѣтно повліять на повышеніе благосостоянія народа въ цѣломъ, нужно было, чтобы въ теченіи многихъ десятилѣтій евреи фактически могли развивать свою хозяйственную дѣятельность въ одинаковыхъ условіяхъ со всѣми другими гражданами, одинаково со всѣми подчиняясь законамъ экономической конкуренціи. Вскорѣ, однако, оказалось, что конституціонныя хартіи, которымъ не соотвѣтствуетъ фактическое соотношеніе силъ общественныхъ классовъ, превращаются въ мертвую букву. По мѣрѣ того какъ ассимиляціонное теченіе расширялось и цѣлые новые слои еврейскаго народа вступали въ ряды европейскаго общества, стало наростать движеніе, направленное на этотъ разъ противъ евреевъ, не какъ представителей извѣстнаго исповѣданія, а какъ членовъ особой національности или расы. Старая вражда къ евреямъ приняла новую оболочку, соотвѣтствовавшую духу времени и стала проявляться не въ сферѣ полицейской, а въ экономической и общественной жизни. И полноправный de jure еврей почувствовалъ на себѣ гнетъ этой вражды, унижавшей его нравственно и тѣснившей его, гдѣ было возможно, матеріально.

Тѣ же основныя теченія, что въ Западной Европѣ, мы встрѣчаемъ и въ русскомъ еврействѣ *) съ той лишь

*) Ради полноты здѣсь можно еще указать на единичныя попытки религіозныхъ реформъ въ 1880-хъ гг., приведшія къ основанію двухъ эфемерныхъ сектъ („Братья-библейцы“ и „Новозавѣтный Израиль“) и не коснувшіяся народныхъ массъ.

разницей, что здѣсь эти теченія, являясь отраженіемъ западно-европейскихъ, во 1-хъ, опаздываютъ на два-три дѣсятилѣтія и, во 2-хъ, приспособляются къ условіямъ русской жизни.

Новому—послѣднихъ 18 лѣтъ—національному теченію въ еврейскомъ народѣ, возникшему почти одновременно и на Западѣ и у насъ и объединившему западно-европейское и русское еврейство, предшествовало литературное движеніе, въ извѣстной степени проникнутое націоналистической тенденціей. Возбужденіе интереса къ еврейскому языку и письменности, вызванное дѣятельностью представителей Мендельсоновской школы, не прошло безслѣдно. Раньше всего, именно, въ кругахъ, культивировавшихъ возродившуюся еврейскую письменность, стало просыпаться національное сознаніе, подсказывавшее, что евреи—не одно лишь религіозное общество, а *нація*, но нація особенная, *духовная нація*, лишенная всѣхъ аттрибутовъ естественныхъ націй и «замѣняющая эти аттрибуты одними духовными силами». Еврейскому народу рекомендуется сохранить свою національную индивидуальность исключительно въ духовно-религіозной сферѣ, въ томъ предположеніи, что еврейскій народъ достигъ уже высшей ступени культурнаго развитія, на которой онъ болѣе не нуждается, подобно другимъ народамъ, въ политическихъ средствахъ защиты своей самобытности. Воззрѣніе это является безсознательнымъ рабскимъ отголоскомъ богословской тенденціи въ исторической еврейской наукѣ. Теорія духовной націи *) заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, логическій non sens. Понятіе о націи—нѣчто вполнѣ конкретное и опредѣленное въ своихъ признакахъ. Присоединяя

*) Въ послѣднее время теорію „духовно-исторической націи“ развивалъ въ своихъ „Письмахъ о старомъ и новомъ еврействѣ“ г. Дубновъ (Восходъ 1897—99 гг.). Его пространная аргументація не устраняетъ коренного дефекта этой теоріи, ея внутренняго противорѣчія.

къ конкретному понятію „нація“ эпитетъ „духовная“— мы или лишаемъ это понятіе всякаго реальнаго содержанія, или придаемъ ему то же значеніе, что и опредѣленію: римляне—военная нація, древніе греки—нація ваятелей и философовъ, т. е. указываемъ на одну выпуклую черту народа, но не исчерпываемъ этимъ эпитетомъ всѣхъ сторонъ народнаго духа. Опредѣленное и ясное понятіе „религіозное общество“ или „вѣроисповѣдная группа“ маскируется туманнымъ и противорѣчивымъ терминомъ „духовная нація“, главнымъ образомъ, потому, что первый терминъ въ настоящее время не пользуется популярностью среди евреевъ. Евреи—или *вѣроисповѣдная группа*, или *нація*, средняго быть не можетъ. Если евреи— нація, то они имѣютъ всѣ права другихъ націй и прежде всего право имѣть свое отечество, свою національную территорію. Король въ изгнаніи—все же король! Народъ въ изгнаніи остается народомъ до тѣхъ поръ, пока въ немъ живетъ его національная воля. *Живучесть еврейскаго національнаго сознанія доказывается непрерывной эволюціей его формъ: то оно скрывается въ душѣ народа, какъ потенціальная энергія, въ мессіанскихъ вѣрованіяхъ, то прорывается въ видѣ массовыхъ движеній въ Палестину*, и, наконецъ, въ послѣднія 18 лѣтъ *проявляется въ сознательномъ, просвѣщенномъ наукой XIX вѣка, политическомъ сіонистскомъ теченіи.*

XII.

Новое теченіе стремится влить старое неумирающее еврейское національное чувство въ новые мѣхи, найти реальныя средства къ осуществленію двухтысячевѣковой мечты еврейскаго народа. Установившійся въ XIX вѣкѣ въ Европѣ соціально-политическій порядокъ опирается на окристализовавшіеся крупные національные организмы. Національная среда признается conditio sine qua non для свободнаго развитія человѣческой личности. Мечты идеалистовъ XVIII вѣка о братствѣ всѣхъ народовъ

осуществились лишь въ видѣ вооруженнаго союза отстаивающихъ свои матеріальные и духовные интересы культурныхъ народовъ. Тамъ, гдѣ отдѣльнымъ національностямъ не удалось размежеваться, происходятъ непрерывныя столкновенія. Новое національное теченіе въ еврейскомъ народѣ, исходя изъ нѣдръ вѣрной своему національному прошлому народной души, является въ тоже время отраженіемъ общаго націоналистическаго теченія всемірной исторіи за послѣдній вѣкъ.

Сіонистское теченіе пока намѣтило лишь общіе пути къ достиженію національнаго возрожденія еврейскаго народа въ Палестинѣ, но не выработало еще никакихъ организованныхъ практическихъ средствъ. *) Согласно программѣ дѣятельности сіонистовъ эти общіе пути представляются въ подъемѣ умственнаго уровня народа, въ воспитаніи въ народѣ способности къ общественной самопомощи, въ объединеніи прогрессивныхъ слоевъ еврейскаго народа и темной массы посредствомъ организованныхъ культурныхъ союзовъ и кружковъ, въ созданіи народнаго представительства въ лицѣ еврейскаго національнаго конгресса и, наконецъ, въ пріобрѣтеніи въ пользу идей сіонизма европейскаго общественнаго мнѣнія. Сообразно съ отдѣльными задачами новаго національнаго движенія, въ лагерѣ сіонистовъ произошла уже дифференціація оттѣнковъ теченія. На первый планъ то выдвигается перовоспитаніе народа (культурные сіонисты), то достиженіе дипломатическимъ путемъ правоохраненнаго убѣжища для нѣкоторой части еврейскаго народа въ Палестинѣ (политическіе сіонисты), то общей подготовительной мѣрой признается прежде всего колонизація Палестины (практическіе палестинофилы).

Новое еврейское національное теченіе встрѣчаетъ противодѣйствіе въ двухъ сферахъ еврейскаго общества:

*) Всѣ попытки въ практическомъ направленіи, включая и основаніе еврейскаго колоніальнаго банка, представляютъ собою лишь пробные пріемы организаціи.

1) въ представителяхъ вышеуказаннаго вѣроисповѣдно-ассимиляціоннаго направленія и 2) въ главаряхъ ортодоксіи и мракобѣсія. На почвѣ противодѣйствія новому національному движенію представители свободомыслія и фанатизма подаютъ другъ другу руку. Въ настоящемъ очеркѣ, задача котораго—обрисовать въ общихъ чертахъ основныя теченія въ исторіи евреевъ, я не могу дать мѣста подробной аргументаціи положеній спорящихъ сторонъ, а потому я приведу лишь вкратцѣ тезисы представителей указанныхъ трехъ направленій.

Главные доводы представителей вѣроисповѣдно-ассимиляціоннаго направленія: 1) сіонизмъ не нуженъ, такъ какъ тяготѣніе къ Палестинѣ „мистическій бредъ"; 2) сіонистская задача неосуществима; 3) сіонизмъ вреденъ, такъ какъ съ одной стороны онъ отвлекаетъ матеріальныя и интеллектуальныя силы еврейскаго народа на безплодную, неосуществимую работу, а съ другой—мѣшаетъ сліянію евреевъ съ окружающими народами и полной эмансипаціи евреевъ, и 4) націонализмъ, вообще, представляетъ собою скоропреходящій фазисъ всемірно-историческаго процесса. Представители ортодоксальнаго направленія опасаются реформаторской тенденціи сіонизма и предпочитаютъ, въ ожиданіи чуда, держать народъ во мракѣ невѣжества и суевѣрія. Нельзя однако не отмѣтить, что тезисъ о полномъ квіетизмѣ въ дѣлѣ народнаго возрожденія въ послѣднее время пошатнулся и въ ортодоксальной средѣ. Цѣлый рядъ авторитетныхъ представителей раввинизма, допуская въ извѣстной степени народную самопомощь въ дѣлѣ возрожденія, примкнулъ къ новому движенію. Вышеперечисленнымъ тезисамъ ассимиляціоннаго направленія представители новаго національнаго теченія противупоставляютъ слѣдующія положенія: 1) національно-политическая идея въ формѣ тяготѣнія народа къ Палестинѣ была основнымъ устоемъ еврейской народной жизни въ періодъ разсѣянія; 2) огромныя затрудненія, съ которыми

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 05854 2039

DO NOT REMOVE
OR
MUTILATE CARD